

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
Факультет лингвистики и перевода
Кафедра теории и практики английского языка

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
**Метафорическое моделирование понятийной сферы
«мигрант» в британских и американских СМИ**

Выполнила:

Студентка Попова Екатерина Алексеевна,
академическая группа ЛПБА-401, курс 4
очной формы обучения
направления 035700.68 Лингвистика

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующая кафедрой
теории и практики английского
языка
Власян Гаянэ Рубеновна
Ученая степень: канд. филол. наук
Ученое звание: доцент

Научный руководитель
Самкова Мария Андреевна
Должность: доцент кафедры теории и
практики английского языка
Ученая степень: канд. филол. наук

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы метафорического моделирования в медиадискурсе	6
1.1. Определение метафоры. Концептуальная метафора	6
1.2. Метафорическое моделирование и структура метафорической модели	9
1.3. Медиатекст как объект лингвистических исследований	15
1.4. Метафорическое моделирование понятийной сферы «мигрант» в медиатексте	18
Выводы по первой главе	22
Глава 2. Исследование моделирования концепта «мигранта» в зарубежных СМИ	23
2.1. Формулы индекса силы метафоры	24
2.2. Основные категории содержания и метафорические модели	27
2.2.1. Метафоры повседневной жизни	27
2.2.2. Метафоры тела, строения и механизма	33
2.2.3. Метафоры культуры	39
2.2.4. Метафоры природы	44
2.2.5. Милитарные и социоморфные метафоры	51
2.3. Определение экспрессивности и конфликтности метафор	57
Выводы по второй главе	61
Заключение	64
Summary	66
Список использованной литературы	67

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию метафорического моделирования образа мигранта в англоязычном медиадискурсе. Метафорическое моделирование является многоаспектным явлением, вследствие чего оно составляет предмет изучения многих наук и отраслей лингвистики, таких как стилистика, лексикология, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и многих других.

Актуальность данной работы определяется, во-первых, возрастающим интересом лингвистов к изучению метафорического моделирования как метода проекции понимания окружающего мира носителем языка и метода влияния на сознание реципиента; во-вторых, пристальным вниманием к теме миграции и освещению данной темы в СМИ. Также сопоставление метафор, используемых для репрезентации миграции в зарубежном медиадискурсе, позволяет более полно понять особенности отношения носителей английского языка к данному феномену.

Объектом настоящего исследования являются метафорические модели, относящиеся к понятийной сфере «мигрант», функционирующие в англоязычном медиадискурсе.

Предметом являются особенности использования метафорических моделей понятийной сферы «мигрант» и их прагматический потенциал.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей функционирования метафорических моделей понятийной сферы «мигрант» в англоязычном медиадискурсе.

В соответствии с указанной целью исследования, в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) определить оптимальную теоретическую базу и методики исследования концептуальной метафоры с понятийной сферой-мишенью «мигрант» в англоязычном медиадискурсе;

2) выявить, охарактеризовать сферы-источники метафорической экспансии, обозначить доминирующие сферы, установить их частотность;

3) выделить, описать и классифицировать метафорические модели понятийной области «мигрант»;

4) раскрыть прагматический потенциал, а именно типовые особенности эмоционального воздействия рассматриваемых моделей на адресата в медиадискурсе.

Материалом исследования послужили электронные тексты статей, посвященные проблемам миграции, с официальных сайтов двух авторитетных англоязычных газет «The New York Times» и «The Guardian». В ходе данного исследования было проанализировано 40 статей (по 20 из каждого издания), опубликованных в период с января по июнь 2020 года.

Для решения поставленных задач нами были использованы такие **методы** общенаучного характера как анализ, индукция, классификация и моделирование. Из частнонаучных был использован метод лингвистического наблюдения, который осуществлялся путем сплошной выборки метафорических единиц, относящихся к понятийной области «мигрант». В ходе компонентного и контекстного анализа были выделены особенности употребления и оттенки значения рассматриваемых метафор. С помощью приема анализа словарных дефиниций были определены общие и отличительные черты семантики исследуемых единиц. В результате проведения статистического анализа и методом индекса силы метафоры был определен прагматический потенциал использованных метафор и охарактеризован создаваемый образ «мигранта».

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных деятелей науки. Когнитивная лингвистика, официально сформировавшаяся в конце 20-го века, является достаточно новым направлением исследования и вызывает интерес многих ученых: М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Х. де Ландтсхеер, Т.Г. Скребцова, И.А. Стернин, Ч. Филлмор. Метафорическое моделирование, будучи уникальным средством

постижения и оценки действительности, рассматривается в работах таких лингвистов, как А.Н. Баранов, С.Г. Воркачев, М. Джонсон, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Б.Л. Уорф, А.П. Чудинов, Е.С. Яковлева. Медиатекст является одним из наиболее продуктивных объектов исследования в области метафорического моделирования и рассматривается такими учеными, как М.Р. Желтухина, М.Ю. Казак, У. Липпман, Г.Я. Солганик, Н.В. Чичерина.

Практическая значимость данной работы определяется возможностью использования ее материалов в процессе изучения метафорического моделирования, результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике. Отдельные положения и выводы, содержащиеся в работе, могут быть полезны для журналистов и репортеров.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами. Настоящая работа состоит из введения, двух глав – одной теоретической и одной практической, заключения, аннотации и списка использованной литературы. Во **введении** обоснованы выбор темы и ее актуальность, сформулированы цель и задачи исследования, освещены объект и предмет. В **первой главе** «Теоретические основы метафорического моделирования в медиадискурсе» рассматриваются определения основных терминов, выявляются главные характеристики рассматриваемых понятий, их функции. Помимо этого, анализируется специфика медиадискурса и особенности отражения феномена миграции в СМИ. Во **второй главе** «Исследование моделирования концепта «мигрант» в зарубежных СМИ» описываются результаты анализа метафорических моделей, рассматриваются конкретные примеры употребления метафорических единиц в выбранных источниках и выделяется прагматический потенциал каждой модели. В **заключении** подводятся итоги и делаются выводы по полученным результатам.

Кроме того, нами приводится **аннотация** на английском языке, кратко излагающая основные понятия, цели и результаты данной выпускной квалификационной работы.

Глава 1. Теоретические основы метафорического моделирования в медиадискурсе

Основной задачей данной главы является определение теоретической базы метафорического моделирования, выявление основных понятий данной темы и описание особенностей процессов создания и употребления метафорических моделей понятийной области «мигрант».

Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть теоретические взгляды на понятия «метафора» и «концептуальная метафора», «метафорическое моделирование», «медиа́текст» и концепт «свой-чужой».

1.1. Определение метафоры. Концептуальная метафора

На современном этапе развития лингвистики все более четко выражается направленность на антропоцентризм в научных установках, представлениях и терминах, что выражено в переходе от изучения языка как автономного и авторитарного образования, замкнутой в себе структуры к изучению роли человека и его сознания в процессах формирования и восприятия речи. «...лучший доступ к сознанию — это не только наблюдение за предметно-познавательной деятельностью человека как таковой, но это и наблюдение за языком как формой отражения и выражения мыслительных процессов» [Болдырев, 2016, с.10] — в рамках данного представления о важности когнитивного аспекта в языкознании происходит переосмысление понятия «метафора».

В классической лингвистической теории метафора определяется как художественное или поэтическое выражение, в котором одно или несколько слов употреблены для передачи определенного явления в переносном значении, основанном на семантическом сходстве характеристик, состояний или действий данного явления. Примером данного понимания метафоры может стать определение Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1998, с. 296]: «Метафора — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова,

обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении». Исследование метафоры началось еще в античности, поэтому одним из самых классических определений можно считать описание ее Аристотелем [Аристотель, 1984, с. 669]: «Метафора — несвойственное имя перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии». Данное понимание этого тропа обуславливало отношение к нему, как к необязательному и дополнительному явлению в языке, которое можно было опустить и выразить заявленный концепт словами недвусмысленными. Как пишет А. Ричардс, «...на протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме» [Ричардс, 1990, с. 45].

В современной же теории метафора признается неотъемлемой частью повседневного способа осмысления окружающего мира. Как пишет В. К. Харченко: «Метафора не есть орнамент, не есть украшение речи, ее, так сказать, надстройка — метафора входит в основу основ нашего языкового мышления» [Харченко, 1989, с. 8]. Исходя из данного определения можно выявить соотношение метафоры с процессом обработки структур знаний, происходящих в окружающем мире — оно выливается в такое понятие как «метафорическое восприятие опыта», т.е. создание понятийной базы, основанной не только на буквальности, но и на переносном смысле. Данная тема наиболее полно была раскрыта в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Ими впервые была предложена идея соотношения концептов и метафор, так как оба эти явления основаны на постоянном взаимодействии человека с его физическим и культурным окружением. Лакофф пишет: «Традиционный подход пытается быть «объективным», а это предполагает, что у опыта и

объектов есть ингерентные свойства и что человеческие существа понимают их исключительно на основе этих свойств. Любовь, с точки зрения объективизма, имеет разные смыслы, каждый из которых определяется на основе таких ингерентных свойств, как нежность, привязанность, влечение и т. п. Мы, напротив, утверждаем, что любовь понимается на основе таких ингерентных характеристик не полностью, а только частично. Наше понимание любви по большей части метафорично, и мы осознаем ее преимущественно на основе концептов других естественных видов опыта» [Лакофф, 2004, с. 150]. Таким образом, метафорическое представление концепта понимается более полно через связь с повседневными ассоциациями.

В современном языкознании метафора исследуется в новом разделе, называемом когнитивной теорией метафоры. Главными определениями в нем становятся «фрейм» и «сценарий», которые предполагают под собой процедуры обработки информации, через которые реализуются знания, сложившиеся в результате накопления человеком опыта при взаимодействии с объектным миром и обществом. Метафоризация завязана на двух основных структурах — когнитивной структуре «источника» (source domain) и когнитивной структуре «цели» (target domain). В процессе метафоризации происходит объединение некоторых структур «цели» в одну область на основе образца источника, которое называют «метафорической проекцией» или «когнитивным отображением». Когнитивисты также выявляют гипотезу инвариативности, которая заключается в частичном воспроизведении структурой «цели» структуры «источника» [Лакофф, 2004, С. 9].

Устойчивые соответствия между областью «источника» и областью «цели», фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор». Примерами концептуальных метафор в европейской культуре можно назвать такие метафорические проекции как «время – деньги», «спор – война», «жизнь – путешествие» и другие. Концептуальные метафоры могут складываться в структуры более глобального уровня, называемые «когнитивными моделями», которые

являются уже исключительно психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по своим свойствам гештальты когнитивной психологии [Лакофф, 2004, С. 11].

Возвращаясь к метафорическому восприятию опыта, Дж. Лакофф развивает идею о необходимости восприятия одних областей опыта в терминах других через метафору. При сопоставлении структур целей и источников наблюдается использование в метафорах понятий преимущественно естественного опыта, т.е. таких базовых концептов как любовь, время, идеи, понимание, труд, счастье, здоровье, контроль, мораль и т.д. Обоснованием такого широкого употребления данных определений в метафоризации является недостаточно четкое их определение на своей собственной основе, чтобы обеспечить достижение целей человеком в его повседневной жизни [Лакофф, 2004, С. 94].

Таким образом, в данной работе метафора будет рассматриваться как языковое отражение образа мышления людей, связанное с определенным восприятием действительности и дополнением недостаточно явных и доступных для понимания явлений современного мира.

1.2. Метафорическое моделирование и структура метафорической модели

В предыдущем пункте мы выяснили, что метафора является неотъемлемым орудием мышления человека, так как сам процесс метафоризации является деятельностью отдельной языковой личности, сопоставляющей себя и окружающий ее мир через призму различных составляющих картины мира. В результате, метафора становится специфичной; однако, ей присуща и универсальность, которая создается при взаимодействии носителей внутри одной языковой системы. Таким образом, метафоры основываются на национально-культурном мировидении, что подразумевает отображение в них основных культурных ценностей, а также

сохраняют в пределах определенной субкультуры индивидуальные системы ценностей [Телия, 1998, с. 156].

Из вышеупомянутой связи метафоризации с национально-культурными ценностями народов происходит понятие метафорического моделирования. Так, *метафорическое моделирование* – это средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее многовековой опыт народа и его национальное самосознание [Чудинов, 2002, с. 1].

Одним из первых ученых, обративших внимание на исследования роли языковой метафоры в процессе создания концептов действительности, был Б. Л. Уорф. Именно он показал, что исходное значение слова может быть искажено переносным в процессе речеобразования или восприятия сказанного. Классическим примером объяснения данного явления в работах Уорфа является английское словосочетание «empty gasoline drums» (перевод – «пустые цистерны из-под бензина»). В прошлом работая в сфере инженерной химии, он обратил внимание на преуменьшение или полное игнорирование людьми опасности пустых цистерн, несмотря на большой риск их воспламенения из-за остаточных материалов внутри. Объяснение данной проблеме лингвист нашел в языке. Слово «empty» («пустой») на цистерне предполагает значение «отсутствие в данной емкости содержимого, для хранения которого она предназначена». Однако в английском языке данное слово имеет также переносное значение «малозначащий, не имеющий последствий» (как в русском – пустые надежды, пустые слова). Исходя из этого, Уорф предположил, что данное переносное значение слова приводит к тому, что ситуация с пустыми цистернами «моделируется» в сознании носителей как безопасная [Уорф, 1960, с. 138].

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют «уорфианские» традиции. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к

изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

В концептуальных исследованиях метафора рассматривается с двух сторон. Во-первых, она является механизмом создания концептов (или их образных составляющих), а во-вторых, анализ метафор, несущих в себе определенный концепт лингвокультуры, способствует реконструкции его ментального образа. Соответственно, метафорическое моделирование может происходить в двух направлениях:

1. Метафорическое моделирование отражает национальное самосознание и оценки действительности в народной ментальности, нашедшие свое отражение в языке;
2. Метафорическое моделирование выявляет группы метафор, которые формируют определенные концепты или создают фрагменты картины мира, и устанавливает механизмы, стоящие за этим процессом [Кондратьева, 2014, с.60].

Особенно интересно второе понимание процесса метафорического моделирования. Дж. Лакофф пишет: «Многие виды нашей деятельности (спор, разрешение проблем, планирование времени и т. д.) по своей сути метафоричны. Метафорические понятия, характеризующие эти виды деятельности, определяют структуру нашей нынешней реальности. Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность. Это может случиться, если мы начнем постигать опыт на языке метафоры, и это станет более глубокой реальностью, если мы начнем на ее языке действовать. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей деятельности, она изменит эту систему, а также

порождаемые ею представления и действия...» [Лакофф, 2004, с. 175]. Данным подходом к метафорическому моделированию можно объяснить многие культурные изменения, происходящие посредством появления новых метафорических понятий и утраты старых. Например, Лакофф описывает случай, произошедший с ним во время чтений лекций о метафоризации в современной лингвистике. Один из его студентов, для которого английский язык являлся иностранным, заинтересовался выражением «the solution to the problem» (перевод – «решение проблемы, задачи»), где «solution» подразумевает один из возможных выходов из затруднительного положения или ответ к задаче. Однако, руководствуясь исходным значением слова, студент понимал слово «solution» как смесь или раствор. Лакофф, будучи носителем языка, никогда не задумывался о данной коллокации в таком виде и, в следствии изучения данного лингвистического феномена, вывел понятие химической метафоры, т.е. восприятие проблемы не как задачи, которую необходимо решить всего один раз, после чего она исчезнет навсегда, а как раствора, требующего катализатора, который растворит на наиболее длительный срок самые неотложные проблемы и одновременно не приведет к выпадению в осадок еще более нежелательных проблем. При таком подходе, повторное возникновение проблемы будет восприниматься как естественное явление, а не неудача при попытке найти правильный способ решения. Данный пример еще раз доказывает важность метафор в процессе создания представлений о материальном мире, а также указывает на значительную роль метафорического моделирования в установлении того, что является для нас реальным.

Результатом процесса метафорического моделирования становится метафорическая модель. Из вышесказанного, мы можем заключить, что метафорическая модель (М-модель) — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами. А. Н. Баранов понимает М-модели как связанные поля сигнификативных дескрипторов, которые иерархически описываются

упорядоченными деревьями. В дескрипторной теории метафоры концептуальные метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений вида <сигнификативный дескриптор, денотативный дескриптор> [Баранов, 2014, с. 146]. Данное понимание метафорической модели отличается от принятого в когнитивной теории, которая интерпретирует М-модель как пару сущностей — соответствие между элементами сферы-источника (источника метафорической экспансии) и элементами сферы-мишени (направления метафорической экспансии). Так Дж. Лакофф в своих трудах представляет метафорическую модель в виде формулы: «X — это Y», при этом отношение между ее компонентами стоит понимать не как точное отождествление, а скорее подобие, т. е. не «X=Y», а «X подобно Y» [Лакофф, 2004, с. 29]. Основываясь на работах Ч. Филлмора по семантике фреймов, идеях Т. Винограда о системах представления знаний и концепции сценариев Р. Шенка была разработана фреймово-слотовая структура когнитивной метафорической модели.

По мнению М. Минского, главной причиной существования теории фреймов является тот факт, что человек старается познать новую и неизвестную ситуацию или по-новому взглянуть на уже знакомую, опираясь на существующую в его памяти структуру данных, называемую фреймом, путем преобразования в ней отдельных частей с целью сделать ее более пригодной для понимания данной ситуации. Таким образом, фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации [М. Минский, 1979, с. 7]. По мнению Ч. Филлмора, фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов. Теория фреймов опирается на то, что лексическое значение слова более связано с его понятийным основанием, чем со стоящими с ним в одном ряду словами [Филлмор, 1988, с. 60-61]. По определению В. З. Демьянкова, фрейм — «... это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от

ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом...» [Демьянков, 1996, с. 168].

А. П. Чудинов дает развернутое описание структуры метафорической модели, включающее вышеописанные позиции и позиции ниже по иерархии, такие как «слоты». Его методика описание М-модели включает в себя рассмотрение таких аспектов как:

- сфера-источник первичных неметафорических значений слов, охватываемых моделью;
- сфера-мишень приобретенных метафорических значений слов;
- семантический компонент, соединяющий первичное и полученное значение;
- фреймы, определяемые как части наивной картины мира, являющейся основой структурой понятийной области;
- типовые слоты – элементы ситуации, содержащие части фрейма и конкретизирующие его;
- слотообразующие концепты.

Для полного анализа метафоры Чудинов также подчеркивает важность рассмотрения способности к развертыванию модели для понимания частотности модели и среды её проявления – жанр речи, эмотивная коннотация, влияющие экстралингвистические факторы, вид дискурса и т.п. и потенциал модели с точки зрения прагматики воздействия на адресата [Чудинов, 2001, с. 44-46].

Таким образом, в процессе движения человеческого разума от неизвестного к известному, происходит формирование концептов за счет установления аналогий между метафорами и выделения значимых свойств когнитивных структур. При изучении концепта, исследователь должен двигаться от объективных языковых средств к содержанию, от концептуальных метафор к когнитивным механизмам, устанавливая основные области, которые послужили источниками метафорического переосмысления.

1.3. Медиатекст как объект лингвистических исследований

Современное общество невозможно представить без средств коммуникации, таких как радио, телевидение и сеть Интернет, а также многих других. Благодаря им люди по всему миру узнают актуальные новости и получают информацию о различных событиях. С каждым днем, влияние средств массовой коммуникации становится все заметнее в жизни общества, так как практически всю информацию мы получаем именно из СМИ. Таким образом, СМИ выступают не только как источник информации, но также и институт, обладающей властью продвигать определенные взгляды на актуальные события, тем самым формируя у индивида желаемую картину мира.

Вся информация, публикуемая в статьях газет, передаваемая по телевизионным каналам, выкладываемая в сеть Интернет образует единое медиaprостранство. Этот материал направлен на получение массовой аудиторией, что обеспечивает коммуникативный аспект данного процесса. В 1990-е гг. в англоязычной научной литературе и появился термин «медиатекст», который быстро распространился в национальных медиадискурсах и международных академических кругах.

В учебных пособиях термин «медиатекст» понимается как динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций. Таким образом, «медиатекст» включает в себя ряд предшествующих терминов (журналистский текст, PR-текст, публицистический текст, газетный текст, теле- и радио-текст, рекламный текст, текст Интернет-СМИ и т.д.), что обуславливает основные сферы его использования – журналистику, PR и рекламу. Российский ученый Г.Я. Солганик дает медиатексту следующее определение: «это разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я),

рассчитанная на массовую аудиторию» [Солганик, 2005, с. 7]. Иначе говоря, медиатекст — это текст любого медийного вида и жанра, благодаря которому осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций.

Медиатекст является также формой существования медиадискурса. М.Р. Желтухина утверждает, что медиадискурс представляет собой «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, 2016, С. 153]. Таким образом, медиадискурс в общем понимании представляет собой специфический тип речемыслительной деятельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа.

Учитывая следующие параметры, Г.Я. Солганик выделяет несколько типов медиатекстов:

- По способу производства (авторские и коллегиальные);
- По фактуре (вербальные, невербальные и креолизованные)

Наиболее распространенным видом на данный момент является креолизованный медиатекст, так как он совмещает в себе вербальную составляющую и невербальную, выраженную в фотографиях, иллюстрациях, других неязыковых единицах. Примерами данного вида медиатекстов могут служить комиксы, карикатуры, рекламные листовки и т.д.;

- По каналу распределения (печатные медиатексты, радио- и телевизионный медиатексты, тексты Интернет-СМИ)

Каждый канал отличается своим набором признаков, оказывающих влияние на содержание и форму воспроизведения медиатекста. Например, телетекст характеризуется большой скоростью передачи информации, наличием нескольких каналов передачи, избытком информации и невозможностью остановки, что приводит к невозможности возвращения и

переосмысления и таким образом влияет на разум человека, закладывая в нем желаемые идеи и пропуская нежелательное;

- По функционально-жанровому типу (информационные, аналитические, художественно-публицистические, рекламные и пиар медиатексты).

Главный эффект, предполагаемый медиатекстом – это эффект воздействия на реципиента. Человек задуман как существо, склонное к внушению — к некритическому восприятию и усвоению информации; по мнению ученых, на земном шаре всего 4 % «невнушаемых» людей. СМИ используют данную особенность психики человека при разработке различных техник, направленных на так называемый «захват аудитории». К этим техникам относятся: убеждение как воздействие в рациональных формах через предлагаемую информацию и подразумевающее сознательное согласие с ней; внушение как эмоционально-волевое неаргументированное воздействие через передачу и принятие некритически воспринимаемой информации; заражение как передача и бессознательное усвоение определённого психического состояния; идентификация как воздействие через демонстрацию конкретных и наглядных образцов мышления и поведения [Давлетшина, 2017, с. 85].

В 1920-х годах исследователем У. Липманом было обосновано «правило упрощения», которое позволяет медиатексту быть доступным для массовой аудитории, избегая когнитивно-сложных ситуаций. Одним из способов такого упрощения становится замена сложных экономических, политических и других определений разных тематик на понятие когнитивно более простые с помощью концептуальных метафор. Также данные метафоры используются в медиатекстах как средства дезинформации, манипулирования и обмана аудитории с помощью преувеличения и искажения представлений об окружающем мире на подсознательном уровне через ассоциации. В своем исследовании актуализации концептуальной метафоры в экономических медиатекстах периода экономического спада и кризиса Степанова Н. В. приводит такой пример манипуляции с помощью метафорических моделей: в

одном из медиатекстов 2008 года о рецессии слово «inject» с исходным значением «впрыскивать, делать инъекцию» было использовано в предложении «They injected hundreds of billions of dollars of public capital» (Они вложили сотни миллиардов долларов государственного капитала). Благодаря этому, в сознании реципиента складывается метафорическая модель РЕЦЕССИЯ – ЗАБОЛЕВАНИЕ. Последующие тексты также сравнивали этот экономический феномен с недугами человека и человеческим телом. Данный прием придает медиатексту коннотацию беспокойства и негативных эмоций, которые обычно ассоциируются с заболеванием, но также предполагает надежду на выздоровление.

Таким образом, медиатекст представляет собой инструмент коммуникации с массовой аудиторией посредством различных видов СМИ с целью передачи определенной информации для формирования у реципиентов желаемой картины мира. Концептуальные метафоры также являются важным компонентом практики манипулирования сознанием публики, примеры которых будут представлены в практической части данной работы.

1.4. Метафорическое моделирование понятийной сферы «мигрант» в медиатексте

Одной из наиболее характерных оппозиций политического медиадискурса является оппозиция «свой – чужой». Эта модель признается одним из самых эффективных методов воздействия на реципиента. П. Канчани отмечает: «модель процесса политической коммуникации, основанная на противопоставлении «мы – они», включает факт оказания давления на реципиентов через механизм коммуникативных стратегий и тактик, важнейшими из которых являются макростратегии дискредитации и самопрезентации» [Канчани, 2007, с. 4]. Данную модель медиадискурса можно сравнить с моделями «добро – зло» в моральном дискурсе и «красота – безобразия» в эстетическом.

Оппозиция «свой – чужой» является базовой, так как берет начало из архетипичных смыслов, которые возникли на заре сознательной деятельности человека, но все еще не утратили актуальности [Баженова, Мальцева, 2009, с. 29]. Благодаря этому, она становится одной из культурных констант. Столкновения с чужой культурой и чужим языком становятся преимущественным объектом исследований в области изучения противопоставления «своего» и «чужого». По справедливому замечанию Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковкиной, чужая культура и язык кажутся поначалу странным и малопонятным явлением, что вызывает ощущение недоверия, настороженности к чужой культуре. С другой стороны, у реципиента может возникнуть любопытство, чувство интереса и приязнь к образам и способу существования чужой культуры [Сорокин, Марковкина, 1988, с. 7].

Простота концепта «свой – чужой» приводит к его большой продуктивности в медиадискурсе, обусловленной удобством использования его для манипулирования сознанием. Е.В. Кишина отмечает, что дуалистический характер оппозиции «предопределяет выделение двух основных структурных компонентов – сферы «свое» и сферы «чужое», базирующихся вокруг фигуры говорящего. Ядром семантической общности категории является субъект речи – Я, оценивающий мир относительно себя. Разнообразные явления, входящие в личную сферу субъекта речи, формируют сферу «свое». То, что выходит за пределы личной сферы говорящего, образует пространство сферы «чужое» [Кишина, 2009, с. 49].

Как отмечает Н. А. Красильникова, категория «свой – чужой» «является не только важнейшим средством концептуализации, категоризации и оценки действительности, но и эффективным способом воздействия на сознание адресата» [Красильникова, 2005, с. 10]. Поскольку любая медиакommunikация стремится к улучшению образа стороны заказчика и принижению стороны противника или оппозиции, данный концепт становится одним из самых характерных для современного медиадискурса. Особенно выделяется сфера политической коммуникации: в ней оппозиция «свой – чужой»

рассматривается как ключевая категория, способствующая осуществлению манипулятивной, ориентирующей и инструментальной функций. Также удобство данной оппозиции выражается в возможности относить различных людей к «своим» и «чужим» по усмотрению автора.

Среди важнейших векторов современного понимания и реализации данной оппозиции выявлена национальная идентичность, которая служит актуальным материалом для появления стереотипов восприятия и антагонизма [Попова, Стернин, 2000, с.112]. В частности, данный концепт ярко выражен в представлении мигрантов в медиадискурсе.

Большое количество отечественных исследователей данного вопроса рассматривали в своих работах русскоязычный медиадискурс и анализировали медиатексты российских средств массовой информации. В результате своих исследований ими была выявлена четкая тенденция распределения мигрантов к понятийной сфере «чужое» и «чужие». О. А. Якимовой было отмечено, что в отечественных СМИ также складывается образ мигрантов как не просто чужих людей, людей из другой культуры, а как «преступников» и «врагов», а также как «необходимого зла», подразумевающего конфликт необходимости дополнительной рабочей силы и нежелания, но вынужденности жить вместе с потенциально опасными соседями [Якимова, 2013, с.142-154].

Однако для более подробного рассмотрения данного концепта И. В. Самариной была выведена более подробная классификация, которая подразумевает возможность включения иностранных мигрантов в сферу «свои». Данная классификация была основана на наиболее употребляемых коммуникативных стратегиях представления автором в своих медиатекстах определенных личностей и явлений в выгодном или невыгодном свете в политическом дискурсе. Самарина выделяет две стратегии: стратегия «создание круга своих», включающая две тактики — «солидаризация» и «создание образа героя» — и стратегия «создание круга чужих», включающая тактики «создание образа врага» и «дистанцирование» [Самарина, 2006, с.156].

Тактика **солидаризации** реализуется через коммуникативные ходы объединения, сплочения, консолидации. Авторы используют данную тактику для того, чтобы расположить аудиторию к описываемому явлению и заручиться ее доверием. Тактика **образ героя** позволяет журналисту создать положительный образ определенного человека, например политика или лидера конкретного движения. Данная тактика реализуется через коммуникативные ходы расположения, одобрения, восхваления. **Дистанцирование** происходит через ходы отстранения, отчуждения, оппозиционирования. Автор проводит четкую грань между правым и виноватым, между идеями и действиями «своих» и «чужих». Последняя же тактика **образ врага** реализуется через коммуникативные ходы недоверия, оскорбления, насмешки, дискредитации. Журналист описывает данную личность или группу людей как недостойных поддержки, обладающих рядом резко отрицательных характеристик [Самарина, 2006, с.158-167]. Данная классификация также будет использована нами при анализе прагматического потенциала отдельных метафорических единиц и выявлении тенденций в лингвистическом проявлении концепта «свой — чужой» в англоязычном медиадискурсе.

До недавнего времени большинство населения Европейских стран и стран Америки не были так близки к понятию «мигрант», как сейчас. Данная тема широко освещена в средствах массовой информации и продолжает обсуждаться по всему миру. Такая популярность объясняется, однако, не только изменениями в тенденциях, росте и спаде миграции, но и тем, что большинство граждан не имеют эмпирического опыта взаимодействия и общения с мигрантами, поэтому не в состоянии самостоятельно составить субъективное мнение о морально-нравственных качествах данной социальной группы, а также о проблемах и опасностях миграционных процессов. Таким образом, создание образа мигранта происходит под влиянием информации, полученной из новостей, с экранов телевизоров, из социальных сетей и т.д. Поэтому журналисты используют концепт «свой — чужой», а также стратегии

создания круга своих и круга чужих для контроля последующих стратегий межгруппового взаимодействия реципиентов и мигрантов, а также для формирования определенного отношения аудитории к политикам, вовлеченным в решение проблем миграции.

Выводы по первой главе

В данной главе мы рассмотрели ключевые понятия, касающиеся теории метафоры, особенности рассматриваемого дискурса, а также тенденции использования концепта «свой — чужой» в медиадискурсе.

В нашем исследовании мы придерживаемся определения концептуальной метафоры как языкового отражения образа мышления людей, связанного с определенным восприятием действительности. Вслед за А. П. Чудиновым мы рассматриваем метафорическое моделирование как средство постижения и оценки действительности, отражающего опыт и самосознание народа, а результат данного процесса, т. е. метафорическую модель как складывающиеся в сознании носителей языка схемы связи между понятийными сферами. В результате изучения медиадискурса, нами было получено определение медиатекста как текста любого медийного вида и жанра, благодаря которому осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций.

Таким образом, в данной главе нами были определены рабочие понятия «метафора» и ее значение в процессе умственного описания действительности, выделяемые в современной когнитивной лингвистике; определено влияние метафорического моделирования на восприятие реальности и выделен алгоритм классификации метафорических моделей; описаны особенности медиатекста; показана главенствующая роль концепта «свой-чужой» в политическом медиадискурсе и выделены основные стратегии и тактики, которые авторы используют для создания позитивного или негативного отношения реципиента к определенным явлениям и личностям, связанным с проблематикой миграции.

Глава 2. Исследование моделирования концепта «мигранта» в зарубежных СМИ

В данной главе представлен анализ метафорических словоупотреблений, относящихся к понятийной сфере «мигрант», на материал статей двух наиболее известных авторитетных англоязычных печатных источников: американской газеты The New York Times и британской газеты The Guardian. В ходе данного исследования нами было проанализировано 40 статей по теме «миграция», по 20 из каждого источника, за период с января по июнь 2020 года, и методом специальной выборки было выделено 138 метафорических единиц.

Процесс анализа полученного материала состоял из нескольких этапов:

1. Проведение дефиниционного и компонентного анализа лексических единиц, составляющих метафоры. Дефиниционный анализ осуществлялся над всеми лексемами с целью выявления их неметафорического смысла. Компонентный анализ применялся исключительно к единицам, дефиниции которых не дают полного понимания метафорического переноса.
2. Определение сфер-источников и сфер-мишеней выделенных концептуальных метафор (Дж. Лакофф);
3. Классификация метафорических единиц относительно выведенных категорий содержания, определение их прагматического потенциала, выделение главных метафорических моделей;
4. Расчет количественных характеристик метафор, анализ показателей (частотность, индекс экспрессивности, индекс конфликтности);
5. Объяснение прагматического потенциала метафорических моделей, основываясь на полученных количественных показателях.

2.1. Формулы индекса силы метафоры

Как нами уже было упомянуто в теоретической части данной работы, метафорическое моделирование тесно связано с мыслительными процессами и восприятием реципиентом окружающего мира; метафоры в медиатекстах используются для воздействия на подсознание читателя и его эмоции. Такие сложные когнитивные процессы достаточно трудно описать точно и обоснованно, так как их анализ часто строится на личном понимании определенных концептов исследователем и его личном лингвистическом опыте. Для придания объективности и наглядности результатам своего исследования некоторые ученые решили интегрировать математические методы в лингвистический анализ, в том числе в анализ метафорических моделей.

Одним из первых экспериментов по изучению частоты использования метафор и их воздействия на сознание реципиента стал эксперимент голландской ученой Х. де Ландтсхеер. В ходе ее исследования были выведены математические формулы определения таких параметров метафоры, как частотность, интенсивность и сила воздействия, произведение которых дают численное значение метафорической силы рассматриваемого дискурса.

Так как в нашем исследовании мы берем во внимание довольно узкую проблемную область и ограниченное количество источников (по сравнению, например, с материалом эксперимента де Ландтсхеер, который состоял из корпуса политических медиатекстов за 150 лет), расчет частотности метафоры и всего индекса силы метафоры будет недостаточно объективным. Мы возьмем за основу формулы индекса интенсивности (*metaphor intensity index*) и индекса содержания (*metaphor content index*), так как они наиболее ярко отображают прагматический потенциал текста, в котором были использованы проанализированные метафоры.

Стоит отметить, что дословный перевод названий формул может вводить в заблуждение, поэтому мы заменим показатель «интенсивности» на

показатель «экспрессивности», который своим наименованием более наглядно отображает именно силу воздействия метафор на реципиента.

Итак, экспрессивность метафор рассчитывается по следующей формуле:

$$E = (1w + 2a + 3s)/n,$$

где

E – показатель экспрессивности метафор рассматриваемого сегмента дискурса;

w – количество «слабых» метафор (“weak”);

a – количество «конвенциональных» метафор (“average”);

s – количество «сильных» метафор (“strong”);

n – общее количество метафор.

Экспрессивность метафоры зависит от уровня явности исходного семантического значения составляющих ее лексических единиц. Чем ярче выражено исходное значение, тем очевиднее становится контраст между семантическим и метафорическим смыслом высказывания, что увеличивает эмоциональное воздействие метафоры на реципиента. Так, метафорами с самой низкой экспрессивностью являются «слабые», метафорический перенос в которых наименее очевиден (напр., **“put their lives on the line”**). Они в меньшей степени создают конкретный образ в сознании реципиента, и поэтому умножаются на коэффициент 1. Экспрессивность «конвенциональных» метафор выше, однако они также могут быть зафиксированы в качестве словарных значений (напр., **“concerns brushed off by ministers”**). Данной группе присваивается коэффициент 2. Наиболее экспрессивными считаются «сильные» метафорические единицы; это оригинальные, авторские метафоры, с низкой частотой употребления (напр., **“migration slowed down to a trickle”**). Количественный показатель «сильных» метафор умножается на коэффициент 3. Стоит отметить, что именно благодаря коэффициентам достигается величина, не равная общему количеству метафор выборки, а значительно его превышающая. Без данного умножения значение индекса экспрессивности равнялось бы 1.

Рассмотрим формулу индекса содержания метафоры, представленную Х. де Ландтсхеер:

$$MCI = (1P + 2N + 3T + 4D + 5Sp + 6M)/nme,$$

где

MCI – индекс содержания метафоры;

P – количество популярных метафор;

N – количество метафор природы;

T – количество технологических, политических и интеллектуальных метафор;

D – количество метафор бедствий и катастроф;

Sp – количество метафор спорта, игры и театра;

M – количество медицинских метафор;

nme – общее количество метафор.

Наименование индекса «содержания» мы решили заменить на понятие «конфликтности», рассматриваемое в работах А. П. Чудинова. Данный показатель зависит от сфер-источников M-моделей: чем больше в исходном понятии, определяющем сферу-источник, проявляется вектор агрессивности, напряженности или тревожности, тем конфликтнее модель [Чудинов, 2003]. При расчете формулы индекса содержания Х. де Ландтсхеер упустила многие метафорические модели и не внесла их в данные категории. Также коэффициенты каждой группе были присвоены, исходя из субъективных представлений о конфликтности сфер-источников: так, например, категория бедствий и разрушений, которая включает в себя метафоры со сферой-источником «Война» получают меньший коэффициент, чем категория метафор «Спорта», которые нам представляются менее конфликтными. Проанализировав корректировки, внесенные в оригинальное уравнение другими исследователями (например, Зариповым Р. И.) мы вывели собственную формулу:

$$C = (1R + 2T + 3Sp + 4N + 5W + 6D)/n,$$

где

C – показатель конфликтности метафор рассматриваемого сегмента дискурса;

R – количество метафор повседневной жизни (бытовые, пространственные, гастрономические);

T – количество антропоморфных метафор, метафор строения, механизма;

Sp – количество метафор культуры;

N – количество природоморфных метафор;

W – количество милитарных, социоморфных метафор;

D – количество метафор смерти и морбиальных метафор;

n – общее количество метафор.

Стоит особо подчеркнуть, что корректировка формулы была вынужденной: расчет данных показателей является специфичным для каждого исследования в зависимости от темы и направленности дискурса. В нашем исследовании мы рассматриваем понятие миграции, которое сильно отличается от экономического развития страны, исследованное де Ландтсхеер. Таким образом, распределение коэффициентов является достаточно субъективным, однако объективность достигается при одинаковом подходе к расчету формул для всех рассматриваемых образов.

2.2. Основные категории содержания и метафорические модели

Далее мы рассмотрим каждую выделенную нами категорию содержания и определим, какие метафорические модели в них входят.

2.2.1. Метафоры повседневной жизни

Первая группа включает в себя метафоры, которые направлены на упрощение понимания реципиентом абстрактных понятий путем уподобления их известным и широко распространённым конкретным явлениям

повседневной жизни. Данный факт обуславливает сферы-источники метафор этой группы, которые мы выделили в ходе нашего исследования: «Уборка», «Предметы быта», «Пища», «Помещение», «Дорога».

Сфера-источник «Уборка» включает в себя наибольшее количество метафорических единиц; рассмотрим некоторые из них.

“Timms and other MPs have repeatedly raised the risks posed to families with NRPF, only to have their concerns **brushed off** by ministers” [The Guardian] (Тиммс и другие члены парламента неоднократно поднимали вопрос о рисках, угрожающих семьям с NRPF, однако министры **отмахнулись** от их доводов).

“If you want to see what happens when death and suffering are **swept under the carpet** and rendered acceptable by political euphemism and omission [...]” (Если вы хотите посмотреть, что произойдет, когда смерть и страдания **заматаются под ковер** и признаются допустимыми с помощью политических эвфемизмов и опущений – здесь и далее перевод наш).

Рассмотрим исходные значения использованных лексических единиц. Глагол “brush off” обозначает «очищать щеткой», «отряхнуть(ся)», тогда как выражение “sweep under the carpet” дословно переводится как «замести под ковер». В данных метафорах заложена идея о том, что проблемы миграции, такие как низкий уровень жизни и страдание людей в миграционных лагерях, для политиков представляются грязью или мусором, которые фактически пятнают их репутацию. Однако процесс «очищения» состоит не в прямом решении существующих проблем, а в «стряхивании» с себя обязательств или скрывтия фактов от публики. С концептом «грязь» также связан образ мигранта в глазах оппозиционеров миграции.

“[...] **dirt** is anything that a community regards as "matter out of place". In the nationalist imagination, "out-of-place" people – immigrants [...] – are frequently recast as a **polluting** influence” [The Guardian] (Под **грязью** подразумевается все, что общество считает «неуместным веществом». В понимании националистов «неуместные люди» - иммигранты – предстают как **загрязняющий** фактор).

Данный образ является очень ярким и резко негативно окрашен. Однако автор употребляет указанную метафору не для создания отрицательного образа мигранта в сознании реципиента, а для подчеркивания абсурдности и бесчеловечности отношения националистов к данной группе людей. Примечателен также метафорический перенос в словосочетании “out-of-place people”, изначальное лексическое значение которого можно передать как «люди без места» или «люди не на своем месте». Данное выражение подчеркивает, что мигрантам часто приходится переезжать как по своей воле в поиске лучших условий для жизни, так и по воле государства, перемещающих их между лагерями. Такие люди фактически потеряли дом и часто не могут найти свое место в новом обществе.

Далее рассмотрим метафоры со сферой-источником «Предметы быта».

“Stephen Miller [...] has pushed repeatedly for regulations and executive actions that would limit the immigration allowed each year, arguing that immigrants are a **drain** on American society, drive down wages and take jobs from native-born Americans” [The NYTimes] (Стефан Миллер ежегодно выступает за принятие нормативных актов, ограничивающих иммиграцию, утверждая, что иммигранты — это **слив** в американском обществе; они понижают заработную плату и отбирают рабочие места у коренных американцев).

“Over the past decade, as the strength of the NHS has been depleted by austerity economics, along with other public services, the right has pushed the claim that foreigners are an unacceptable **drain** on the state, [...] even as the rest of society benefits from their labour” [The Guardian] (В течение последнего десятилетия, в то время как НСЗ наряду с другими государственными службами была истощена жесткой экономикой, правые продолжают продвигать идею о том, что иностранцы являются неприемлемой **утечкой средств** для государства, хотя остальная часть общества получает выгоду от их труда).

Существительное “drain” в исходном значении понимается как «труба, уносящая грязную воду либо другие жидкие отходы». Таким образом, в данных метафорах заключены идеи пустой траты денег, которые «утекают» с

большой скоростью. Также создается впечатление, что деньги, потраченные на выплату пособий и зарплат мигрантам, становятся грязными и непригодными для будущего использования. Возможно, в данном значении авторы делают отсылку к тому, что иммигрировавшие работники часто переводят часть заработка своим семьям в менее развитые страны, и это использование ресурсов принимающей страны для оппозиционеров и противников иммиграции является бесполезным, неправильным и недопустимым.

Также одной из наиболее частотных бытовых метафор является следующая:

“But the overriding message from leading scientists has been that [limit on movement] needs to be based on a system of testing [...] rather than **blanket** assumptions about foreigners and other outsiders” [The Guardian] (Однако главная суть, которую хотят донести ведущие ученые, заключается в том, что ограничение передвижения должно основываться на системе тестов, а не **стричь всех** иностранцев и других приезжих **под одну гребенку**).

Обращаясь к исходному значению, “blanket” можно трактовать как «одеяло», «покрывало». С помощью данной метафоры создается визуальный образ – все мигранты и приезжие из зарубежья «накрываются» политиками одним предубеждением, в данном контексте, убеждением о том, что иностранцы переносят новый вирус и могут навредить здоровому населению принимающей страны.

Менее частотными являются метафоры со сферами-источниками «Пища», «Помещение» и «Дорога».

Гастрономические метафоры наиболее часто представлены лексемой “recipe”:

“Our clients are terrified of the prospect of being transferred to a secured detention facility with large numbers of people in close, confined settings, which is in direct contravention with C.D.C.’s advice [...] This is a real **recipe** for a humanitarian disaster” [The NYTimes] (Наши клиенты в ужасе от перспективы

быть переведенными в охраняемый изолятор с большим количеством людей в тесных замкнутых помещениях, что идет в разрез с рекомендациями Центра по контролю и профилактике заболеваемости. Это просто **рецепт** гуманитарной катастрофы).

Данная метафора сравнивает складывающуюся ситуацию с рецептом блюда. Благодаря этому образу, реципиент четко может представить себе, как «приготовить» гуманитарную катастрофу: в качестве ингредиентов выступают несовершеннолетние мигранты и новая коронавирусная инфекция, а в способ приготовления – заключение ингредиентов в тесные помещения. Так, ситуация приобретает материальный образ блюда, стоговленного по инструкции.

Часто метафорическая экспансия образа принимающего государства создается на основе концепта «Помещение»:

“Europe was increasingly closing its **doors** while more migrants from sub-Saharan Africa made their way to Morocco” [The Guardian] (Европа продолжала закрывать **двери**, в то время как все больше мигрантов из южной Африки направлялись в Марокко).

“If Boris Johnson is opening the **door** to potentially millions of people fleeing Hong Kong, it’s unacceptable that we’re not offering anyone refuge” [The Guardian] (Если Борис Джонсон открывает **двери** миллионам людей, бежавшим из Гонконга, мы не можем не предоставить убежища).

“They see a **window** of opportunity in Italy [...]” [The NYTimes] (Они видят **окно** возможности в Италии).

С помощью данных метафор создается наглядный образ принимающих стран, которые решаются «открывать» или «закрывать» двери перед людьми, ищущими убежища. Так создается образ мигранта-гостя, которого впускают в свой «дом», однако не принимают как постоянного нового жильца. В последнем же примере лексема «окно» отсылает к альтернативному входу в помещение, проникновение через который «чужих» в реальной жизни

является преступлением, что подчеркивает частую нелегальность способов иммиграции в страну.

Несмотря на обилие описаний передвижений и перемещений мигрантов, последняя выделенная нами сфера-мишень в популярных метафорах «Дорога» является наименее частотной, что можно объяснить стремлением авторов наиболее точно отразить факты, связанные с этим явлением. Однако нами все же были выделены некоторые метафоры, например:

“They have embarked on **astounding odysseys**, from cities all over the country” [The NYTimes] (Они отправились в **удивительные странствия** из городов по всей стране).

Обратимся к семантическому значению слова “odyssey”: a long trip or period involving a lot of different and exciting activities, esp. while searching for something [Cambridge Dictionary]. Данное словоупотребление наиболее ярко создает образ пути мигранта: в нем отражена продолжительность путешествия, а также идея о поиске чего-то – в теме «миграции» это поиск безопасного места проживания или лучших экономических условий. Однако характеристика “exciting” (evoking feelings of happiness and enthusiasm) создает впечатление, что данный путь полон интересных приключений, когда в реальности большинство событий на нем связаны с невзгодами, болью и утратами.

Метафоры «дороги» также используются для создания других образов:

“I’m on a ten-year **path** to UK citizenship, I just paid my third set of fees,” [The Guardian] (Я нахожусь на десятилетнем **пути** к британскому гражданству и только что заплатила третий ряд налоговых сборов).

Благодаря данной метафоре, не всегда понятный коренным жителям страны процесс получения гражданства приобретает конкретный образ тропинки (исходное значение “path” – «тропинка») – данный путь представляется извилистым, сложным, но уже «протоптаным» множеством раз.

Также метафора «дороги» может быть использована для описания пути развития политики государства. В следующем примере противопоставление «полезных» (выполняющих сложную, малооплачиваемую работу) и «беспольных» (ищущих политического убежища) мигрантов описывается как бесперспективная позиция, не способная привести к положительному результату:

“The "good migrant"/"bad migrant" binary is a **dead end**” [The NYTimes] (Двоичная система «хороший мигрант»/«плохой мигрант» приведет в **тупик**).

Таким образом, в данной категории создается несколько образов мигрантов, большинство из которых являются негативными и строятся на основании высказываний политических деятелей: «Мигрант – это проблема», которая портит репутацию политиков, но с которой они не хотят разбираться действенными методами; «Мигрант – это паразит», наживающийся на благах страны; и «Мигрант – это гость», которого впустили «хозяева» страны. Последняя же модель «Мигрант – это путешественник» является скорее нейтральной и подчеркивает как постоянные перемещения, так и длительность процесса интеграции в новое общество.

2.2.2. Метафоры тела, строения и механизма

Данная категория метафор обладает большим показателем конфликтности, чем предыдущая, однако этот коэффициент все еще невысок. Это обусловлено тем, что антропоморфные метафоры очень схожи с метафорами повседневной жизни, так как с образом человеческого тела мы также сталкиваемся каждый день; однако, они обладают большим прагматическим потенциалом за счет способности человеческого разума переносить представления об абстрактных понятиях на структуры собственного организма. Метафоры строения и механизма включены в данную группу по причине большей сложности явлений, заложенных в

основу метафорической экспансии, но меньшего прагматического потенциала, чем у следующей категории.

С помощью антропоморфных метафор наиболее часто авторы создают очеловеченный образ государства. Самыми частотными метафорическими единицами в данной подгруппе становятся метафоры со сферой-источником «руки»:

“[...] Bob Hawke, who after the bloody Tiananmen Square massacre showed tremendous compassion by **opening Australia’s arms** to Chinese people fleeing tyranny” [The Guardian] (Боб Хоук, который после кровавой бойни на площади Тяньаньмэнь проявил огромное сострадание, **приняв с распростертыми руками** от лица Австралии китайцев, бежавших от тирании).

В данной цитате автор создает образ Австралии, как человека с распростертыми руками, готового принять и защитить бегущих от войны и страданий людей. Рассмотренная метафора имеет положительную эмоциональную окраску и создает яркий контраст между очеловеченными странами, принимающими мигрантов, и бездушными, закрывающими двери перед нуждающимися.

Другой пример с лексемой “arms” представляет правительственные органы Европейского союза в образе «повелевающей руки»:

“It is up to the European Commission to decide what to do next, the court said, referring to the **executive arm** of the European Union” [The NYTimes] (Решение о последующих действиях остается за Европейской комиссией, заявил суд, подразумевая **исполнительный орган** Европейского союза).

Данная метафора создает образ ЕС как верховного монарха, который одним движением руки может изменить ход дела и вершить судьбы людей, как, например, в данной ситуации от одного решения зависело, получат ли десятки тысяч людей политическое убежище в европейских странах или нет.

Также очень частотным примером в данной подгруппе являются метафоры с лексемой “shoulder”:

“At the height of the migration crisis, Italy called on the European Union to keep its promise and help **shoulder the burden** of the hundreds of thousands of asylum seekers” [The NYTimes] (В разгар миграционного кризиса, Италия призвала Европейский союз сдержать обещание и помочь **нести на плечах бремя** в виде сотен тысяч беженцев).

Метафорическое моделирование в данной ситуации происходит на основе прямого смысла глагола to shoulder - to put something on your shoulders to carry it [Cambridge Dictionary]. Употребление данного глагола со словом “burden” (рус. ноша, бремя), которое также является метафорической единицей и будет рассмотрено в последующей категории, подчеркивает большое давление, возлагаемое на правительство принимающих стран проблемами миграции. Также продолжается идея олицетворения стран, что способствует переносу данного бремени с абстрактного образа государства на более конкретный образ человека.

Следующая подгруппа антропоморфных метафор основывается на органах чувств:

“EU air assets had become the **eyes and ears** of a Libyan interception force” [The Guardian] (Воздушные силы ЕС стали **глазами и ушами** ливийских сил перехвата).

Данная цитата была взята из статьи о скандале вокруг ливийских беженцев, которые пытались пересечь средиземноморье и получить политическое убежище в одной из европейских стран, однако были перехвачены и возвращены в охваченную войнами Ливию. ЕС не желали предоставлять убежища, но и не могли открыто нарушить право людей на соискание убежища, поэтому они стали своего рода «инструментом» Ливии: воздушные силы ЕС «высмотрели» лодки с беженцами и передали их ливийским силам перехвата. Таким образом, в данной метафоре раскрывается желание стран Европейского союза быть в стороне, когда происходят такие жестокие нарушения правил, однако оставаться при этом главным инструментом и принимать решения.

“The ability to turn a **blind eye**, to enjoy the luxury of not knowing what your choices mean for the lives of others, is a **recipe** for bad government. And governments of both main parties have found it far too easy to **turn the screws** on migrants to satisfy the **baying** crowd before **looking the other way**” [The Guardian] (Способность **закрывать глаза**, наслаждаться роскошью незнания того, как твой выбор влияет на жизни других – это **рецепт** плохого правительства. И правительства обеих партий с большой легкостью смогли **затянуть гайки** на мигрантах, чтобы угодить **лающей** толпе, прежде чем снова **отвернуться**).

Данная цитата включает в себя несколько метафорических единиц из разных категорий содержания. Рассмотрим сначала антропоморфные метафоры. Выражение “to turn a blind eye” дословно можно передать как «повернуться слепым глазом»; так, исходное значение словоупотребления включает в себя идею не только о нежелании правительством признавать существование проблемы, но и о том, что эти проблемы игнорируются специально. Например, в оригинальной статье, чтобы уйти от вопроса, Борис Джонсон признался в своем неведении о том факте, что по закону работающие мигранты не имеют доступа к государственным средствам, а значит не могут получать пособия и помощь в государственных учреждениях несмотря на то, что выплачивают налоги. Когда же определенные меры принимаются, правительство сразу «отворачивается» от проблемы, считая ее решенной. Однако в большинстве случаев эта проблема решается только в отношении местных жителей, а положение мигрантов только ухудшается.

Несправедливость данной ситуации также отражена в метафоре механизма “to turn the screws on migrants” (закрутить винты на мигрантах). В технике путем закручивания винтов увеличивают давление в трубах; таким образом, правительство оказывает большое давление на рабочих-мигрантов, перекладывая на них самую тяжелую, важную и опасную работу за минимальную плату и, в добавок к этому, стараясь восстановить финансирование государственных учреждений за счет них. В данной

метафоре наиболее яркое свое отражение получила М-модель «Мигрант – это машина».

Интересно также отметить метафору “baying crowd” (лающая толпа), которая относится к четвертой категории природоморфных метафор. В данном словоупотреблении толпе приписывают черты собаки; скорее всего, авторы хотели подчеркнуть пустоту шума, создающегося гражданами при появлении определенной проблемы. Как и собаки, которые лают в ответ на любой звук или движение, люди могут бурно реагировать на кризисные ситуации, даже не разобравшись в них. Поэтому, чтобы предотвратить общественные волнения, правительство находит любые меры, которые успокоят толпу, но не обязательно будут настоящим комплексным решением проблемы.

Метафорическую модель «Мигрант – машина» продолжает следующая метафора, описывающая мигрантов, возвращающихся с заработков домой:

“They have been heading out **under their own steam**, some making journeys of nearly 1,000 km to reach home” [The Guardian] (Они шли **своим ходом**, некоторые совершали путешествия почти в 1000 км, чтобы добраться до дома).

Исходное значение данной фразы основывается на техническом понятии “under steam” - (of a machine) being operated by steam [Collins Dictionary, URL]. Таким образом, мигранты представляются в образе выносливых машин, локомотивов, идущих за счет парового двигателя внутри них. Однако на самом деле, люди, вынужденные проходить тысячи километров в поисках дома, очень уязвимы: они достигают цели с большим трудом, и часто погибают во время своего путешествия. В образе пара выступает их слабая надежда вновь увидеть свой дом и семью.

Последней группой метафор в данной категории стали метафоры строений и архитектуры. Рассмотрим некоторые примеры:

“They [migrant workers] are the people who are **at the bottom of the pyramid**” [The NYTimes] (Рабочие-мигранты – это люди **внизу пирамиды**).

В данной цитате делается отсылка на известную модель экономической пирамиды, в основе которой стоит наибольшее количество людей с наименьшим заработком, в то время как «богатое» меньшинство находится на вершине. Так, изначальный смысл метафоры ясен: мигранты, люди с низким достатком, находятся в низшем социальном классе. Однако, если рассматривать пирамиду с точки зрения ее строения, то нижняя ее часть является основой для строительства всей верхней части; точно также на труде мигрантов основывается работа всего остального общества, строиться экономика. Таким образом, данная метафора, в исходном своем значении принижающая мигрантов, на самом деле отображает их важность, подчеркивает необходимость их труда для функционирования государства. Эту идею продолжает следующая цитата из статьи о рабочих-мигрантах в Сингапуре:

“This entire city is **built on our labour** [...] That tells you what you need to be told about the culture that we bring, and how our culture makes up the **clean and sparkling facade** of the city” [The Guardian] (Весь этот город **построен на нашем труде**. Это все, что вам нужно знать о культуре, которую мы привносим, и как наша культура создает **чистый и сверкающий фасад города**).

В данную развернутую метафору автор вкладывает идею о том, что мигранты не только физически построили город, а именно здания и инфраструктуру в нем, но также продолжают поддерживать его в наилучшем состоянии. Таким образом, именно благодаря труду приезжих работников не только фасады строений остаются чистыми, но и стоит весь облик города, которым так гордятся власти.

В данной категории метафор большее внимание уделяется образу государства, которое является таким же активным участником действий и которое невозможно не рассматривать в совокупности с образом мигранта. Государство представляется в образе человека, следящего за ситуацией, управляющего ей и переносящего на себе ношу ответственности за

мигрантов. Рабочие-мигранты в свою очередь представлены в М-моделях «Мигрант – это машина», выдвигающей на первое место их стремление работать и зарабатывать, но упускающая человеческий фактор, и «Мигрант – это основа», отражающие ключевое значение их труда в функционировании общества.

2.2.3. Метафоры культуры

Данная категория включает в себя метафоры искусства, игры и религии. Наиболее частотными метафорами в данной группе стали метафоры театра. Истоки восприятия мира как театра восходят еще ко временам Шекспира, поэтому неудивительно, что метафорическая модель «Политика – это театр» является одной из наиболее распространенных. В рамках исследуемых нами материалов театральные метафорические единицы, используемые для создания образов, включают в себя метафоры состава актеров, реквизит, сценарий и сами театральные действия.

В данной М-модели правительство чаще всего выступает в образе постановщика театрального представления, либо кукловода:

“The Greek government accused Turkey of **orchestrating** a "coordinated and mass " attempt to breach the country's borders” [The Guardian] (Правительство Греции обвинило Турцию в **организации** «скоординированной и массовой» попытки нарушения границ страны).

Исходное семантическое значение лексемы “to orchestrate” гласит: “to orchestrate is to arrange or write a piece of music so that it can be played by an orchestra” [Cambridge Dictionary, URL]. В вышеупомянутой цитате идет речь о несанкционированном пересечении границ между Турцией и Грецией массой турецких мигрантов. Хотя правительство Турции не давало прямых указаний к пересечению границы, использованная автором метафора создает образ Турции как композитора, то есть организатора действий, в то время как турецкие мигранты выступают в образе музыкантов, просто играющих по

нотам. Таким образом, ответственность с мигрантов за нарушение законов снимается и перекладывается на правительство. Данную идею продолжает следующая метафора:

“Mann alleges that while the Libyans are carrying out the interceptions, in the background it is the EU **pulling the strings**” [The Guardian] (Манн утверждает, что, в то время как ливийцы осуществляют перехват, на заднем плане именно ЕС **дергает за ниточки**).

Метафорическое выражение “pulling the strings” создает яркий образ кукловода в лице Европейского союза, который, как бы дергая за ниточки, управляет всеми движениями ливийской береговой охраны. В театре, человек, управляющий куклами, всегда остается невидимым для публики; так же главным действующим лицом для общественности в ситуации борьбы с нелегальными мигрантами выступает Ливия, и именно ее обвиняют в противоправных действиях. Однако с помощью данной метафоры автор явно дает читателям понять, кто является настоящим нарушителем. Далее в той же статье автор разоблачает Италию, одну из стран ЕС, и «снимает с нее маску», однако даже показав свое истинное лицо, правительство продолжает играть свою роль:

“Even when the **mask** has slipped, as it did when the telephone number listed for Libya’s new rescue centre was listed as an Italian number, the denial of ultimate responsibility is maintained” [The Guardian] (Даже когда **маска** соскользнула, когда телефонный номер, указанный для нового спасательного центра Ливии, был указан как итальянский, отрицание окончательной ответственности продолжается).

В качестве активных участников театральных действий политические деятели выступают гораздо реже.

“Instead, this was just Patel referring to the fact that “all government policies are continuously kept under review”. [...] this is a **handy catchphrase** the government uses to avoid scrutiny” [The Guardian] (На самом деле Пател просто ссылалась на тот факт, что «все политические решения постоянно

пересматриваются». Это просто удобная **коронная фраза**, которую правительство использует во избежание критики)

Исходное значение слова “catchphrase” гласит: “a phrase that is often repeated by and therefore becomes connected with a particular organization or person, especially someone famous such as a television entertainer” [Collins Dictionary, URL]. Таким образом, автор указывает на то, что политики, как герои телевизионных шоу, часто используют заезженные фразы в ответ на волнующие вопросы. При этом, данные фразы уже давно всем знакомы и не несут никакой информационной нагрузки; так и утверждение политиков о том, что несправедливые в отношении мигрантов законы продолжают пересматривать и совершенствовать, являются пустыми и говорят об их бездействии и отсутствии интереса к проблеме.

Активными же актерами в метафорической модели выступают мигранты:

“Immigrant field workers have been told to keep working [...] and given letters attesting to their **critical role** in feeding the country” [The NYTimes] (Полевые рабочие-иммигранты были призваны работать дальше и получили письма об их **решающей роли** в предоставлении пропитания для страны);

“It’s precisely the classification of certain people as “low skilled” that allows the government to exclude from the surcharge exemption care workers and other **key workers** who have **played a crucial role** during this pandemic” [The Guardian] (Именно классификация некоторых людей как “низкоквалифицированных” позволяет правительству исключить из освобождения от доплаты медицинских работников и других **ключевых работников, сыгравших решающую роль** во время этой пандемии).

Данными метафорами авторы подчеркивают идею о том, что именно рабочие-мигранты являются главными действующими лицами во всем театре жизни. В то время, как политики бездействуют или лишь управляют из-за кулис, они совершают настоящие действия: выполняют тяжелую и опасную работу, выращивают пищу для местных жителей, заботятся об их здоровье.

Интересно, что именно во время пандемии труд мигрантов начали уважать и восхвалять: такая опасная и беспрецедентная ситуация показала, насколько «ключевыми» являются работники сфер медицинского обслуживания, сельского хозяйства, доставки и других служб, которые на 90% являются приезжими из стран зарубежья.

Тесно связанной со сферой-источником «театр» является «игра». В данной модели наиболее частотными являются метафоры, отражающие исход игры:

“If clampdowns on national borders are offered as a substitute for more meaningful forms of protection then everybody **loses**” [The Guardian] (Если ограничительные меры на национальных границах предлагаются в качестве замены более значимых форм защиты, то все **проиграют**);

“If we allow politicians to **play** one of these groups off against the other, all of us will **lose**” [The Guardian] (Если мы позволим политикам **разыгрывать** эти группы друг против друга, мы все **проиграем**).

Данные метафоры очень четко представляют исход ситуации: есть всего два варианта завершения игры – победа или поражение. При этом чаще всего авторы не выделяют противоборствующих сторон; в результате плохой политической стратегии проигрывают все. Это означает, что попытки правительства решить поставленные проблемы просто, либо в свою пользу не гарантируют их победы. Скорее всего такие решения приведут к дальнейшим осложнениям. Например, в первой цитате в результате введения ограничений приема мигрантов, но не введения строгого режима внутри страны, ситуация с распространением заражения также может ухудшиться. Во втором же примере «разыгрывание» местных жителей и мигрантов друг против друга может привести к насилию и протестам, с которыми также придется иметь дело правительству.

Последняя группа из категории «культуры» связана с религиозными понятиями. Религиозные метафоры также используются для создания образа мигранта-жертвы:

“Now that the coronavirus has come to Europe, rightwing nationalists are rushing to find **scapegoats**” [The Guardian] (Теперь, когда коронавирус пришел в Европу, правые националисты спешат найти **козлов отпущения**).

В статье, из которой была взята данная цитата, авторы рассматривают вопрос об опасности предоставления убежища беженцам в период пандемии. Мигранты в данной ситуации описываются как “scapegoats” (козлы отпущения). В Библии так называли козла, на которого возлагали все грехи народа и отправляли в пустыню. Противники иммиграции в лице мигрантов находили козла отпущения в лице мигрантов не только как в переносчиках вируса: на них в течение многих лет лежало клеймо террористов, нахлебников, недостойных людей. Однако стоит заметить, что на данный момент такие резкие сравнения приписывают только радикальным представителям правых националистических движений. В свою очередь авторы в данной метафоре показывают, что эти люди невинны и беззащитны и используются другими для возложения на них ответственности, которую они нести не обязаны.

Еще одна яркая религиозная метафора была употреблена в отношении временной отмены дополнительной платы для мигрантов-рабочих:

“The concession amounts to **crumbs from the master’s table**: pause it for a year and then, once the clapping has stopped, continue as if nothing has happened” (Эта уступка больше похожа на **крошки со стола хозяина**: приостановим их на год, а потом, когда аплодисменты утихнут, вернем, как ни в чем не бывало).

Данная метафора отсылает нас к параграфу из Библии, в котором женщина просит помощи у Господа. На его отказ и вопрос «хорошо ли отбирать хлеб у детей и бросать его собакам?», женщина приравняла себя к собаке, которая подбирает крошки со стола хозяина. Таким образом, автор с иронией называет политиков «богом», у которого простые люди просят помощи, но не получают ее. Кратковременная же поблажка является наименьшим, что власти могли сделать для мигрантов, но им приходится

довольствоваться тем, что есть. Так, автор создала образ могущественной, но безразличной до проблем обычных людей власти, и приниженного и раздавленного мигранта, молящего о помощи.

Таким образом, метафоры данной категории составляют несколько метафорических моделей, сферами-мишенями которых становятся, опять же, государство и мигранты. Модель «Государство – это постановщик» показывает желание правительства оставаться в стороне, при этом контролируя ситуацию и управляя другими актерами. Также выделяется модель «Государство – это антагонист»: в ней власти выступают активными актерами, но принимают «плохие» решения, не в пользу «протагонистов-мигрантов». Мигранты также становятся «главными героями», играющими важную роль в жизни общества, и «жертвами» несправедливого отношения.

2.2.4. Метафоры природы

В категории метафор «Природа» нами были выделены следующие сферы-источники: «Вода», «Животные», «Огонь», «Растения».

Наиболее частотными метафорами, используемыми для описания масс мигрантов, являются метафоры воды. Они выражены многочисленными лексемами (flow, tide, influx, flood, pour, stream, spill, trickle, overflow), каждая из которых отражает особый характер движения людей и влияния этого процесса на общество принимающей стороны.

Для описания прибывающих мигрантов и беженцев используются такие лексеммы как “flow” и “stream” («поток»), “tide” («прилив»), “flood” и “overflow” («потоп»). Стоит отметить, что практически все метафоры со сферой-источником «вода» создают безликий образ мигрантов; люди представляются не отдельными личностями, а большой однородной массой. Такой образ направляет внимание реципиента на количественные показатели и статистику, в то время как жизни и истории людей, вынужденных иммигрировать, отходят на второй план.

“Turkey agreed to halt the **flow** of people to the EU in return for funds” [The Guardian] (Турция согласилась приостановить **поток** людей, направляющихся в ЕС, в обмен на финансовые средства).

Лексема “flow” является самой частотной. Cambridge Dictionary дает такое определение данному понятию: “to flow - to move in one direction, especially continuously and easily” [Cambridge Dictionary, URL]. В данной метафоре подчеркивается несколько характеристик миграции: во-первых, движение масс людей направлено в одну сторону, из своей родной страны в принимающую, либо из более бедной и разрушенной части страны в районы с лучшими условиями для жизни. Во-вторых, делается акцент на том, что этот поток не прекращается и принимающая страна продолжает «заполняться», на что также будет указывать следующая рассматриваемая нами метафора. Наконец, в-третьих, слово “easily” дает ложное представление о беспрепятственности пути мигранта, легкости прохождения границ и принятия прибывающих людей правительством.

“From Tijuana, on the western end of the border, to Matamoros on the eastern end, thousands of migrants have **overflowed** shelters” [The NYTimes] (Тысячи мигрантов **переполнили** приюты от Тихуаны на западной границе до Матамороса на восточной).

Лексема “overflow” указывает на переполненность мест, предназначенных для содержания мигрантов. Из-за постоянства «потока» приюты заполняются и достигают своих лимитов, причем не только в отношении физического пространства, но и ресурсов. Люди, которые продолжают прибывать, больше не помещаются в отведенные для них структуры, поэтому правительству приходится вводить ограничительные меры, чтобы уменьшать «потоки», но также предотвращать «расплескивание» (контрабандный ввоз) людей, не вошедших в приюты и лагеря.

Эти ограничения метафорически описываются образом крана:

“I think that once you turn the **faucet** back on, it’s not going to immediately **flow** [...]” [The NYTimes] (Я считаю, что когда **кран** снова откроется, **поток** не сразу будет сильным).

В данном контексте «краном» выступали ограничения передвижения, введенные по всему миру в целях предотвращения распространения новой вирусной инфекции. Поток мигрантов был перекрыт, однако данная мера не является постоянным решением проблемы миграции – ограничения вскоре будут сняты, и течение продолжится, хотя характер его может измениться.

Интересно, что в связи с данными мерами в статьях англоязычного дискурса появились метафоры, противоположные описанным выше, но также относящимся к концепту «вода»:

“Shelter managers and migrants’ advocates throughout the region said they had seen migrant traffic slow to a **trickle** in recent weeks.” [The NYTimes] (Управляющие приютами и защитники мигрантов по региону заявили, что **поток** мигрантов **превратился в ручеек** за последние несколько недель).

Глагол “to trickle”, обозначающий движение жидкости каплями, создает антонимичный ранее описанному образу. Теперь мигранты, ранее описываемые большими потоками воды, представляются отдельными малыми частями, что подчеркивает не только снизившийся уровень миграции, но и представляет данную группу людей, как множество личностей, а не однородную массу. Однако данная метафора нами была встречена только один раз и не имеет такого большого эмоционального влияния, как описанные ранее.

В рассматриваемых нами материалах авторы также формируют образы с помощью зооморфных метафор. Мигранты в большинстве случаев выступают в образе небольших и беззащитных животных:

“I am a nobody, I’m like an **ant**, my life doesn’t matter” [The Guardian] (Я никто, я словно **муравей**, моя жизнь не имеет значения).

Метафорический образ муравья включает в себя несколько характеристик мигранта. Муравей – это очень маленькое насекомое, которое

сложно заметить; заметить муравьев легче, если они находятся в большом количестве, либо если они доставляют дискомфорт. Так власти почти никогда не замечают проблем единичных мигрантов, но, когда их количество велико (как в случае с метафорами «воды»), внимание политиков к их действиям возрастает. Однако лишь в случае, если мигранты становятся для государства проблемой (например, несанкционированно проникают на территорию), тогда правительство начинает принимать меры. Стоит отметить также положительную коннотацию в данном образе: муравьи известны как трудолюбивые насекомые, способные переносить большие тяжести. Так же мигранты способны многое вынести, чтобы построить лучшее будущее для себя и своих семей.

“With living conditions that make it almost impossible to escape the contagion [...] many people feel they are **sitting ducks**” [The Guardian] (В условиях проживания, в которых практически невозможно избежать заражения, многие чувствуют себя **легкой добычей**).

В данной цитате идет речь о мигрантах, содержащихся в закрытых лагерях во время пандемии. Из-за опасения распространения вируса, правительство запретило им покидать приюты; однако риск заражения внутри лагеря очень велик из-за большой плотности размещения людей. Метафора “sitting ducks”, исходное значение которой отсылает к понятию из сферы охоты, очень ярко отображает состояние мигрантов: они – легкие добычи, в то время как оружием для охоты выступает новая инфекция. В данной метафоре правительство косвенно выступает в роли «охотника»: оно не совершает активных действий по уничтожению своих целей, но и не помогает в противостоянии смертельной болезни.

“People are **caged** in overcrowded hangars with barely any access to food or sanitation facilities” [The NYTimes] (Люди заперты в переполненный ангарах, как в **клетках**, почти без доступа к еде или санитарным удобствам).

Лексема “cage” («клетка») также подкрепляет созданный образ уязвимого животного, запертого в клетке без возможности выбраться.

Антонимичными являются образы политиков; правительственные органы и представители власти описываются с помощью метафор, обозначающих крупных или хищных животных:

“The most recent of these is a complaint to the European court of auditors, the EU’s financial **watchdog**” [The Guardian] (Последней из них является жалоба в Европейскую счетную палату, финансовая **служба по надзору** ЕС).

В результате компонентного анализа лексемы “watchdog” можно выявить исходное значение «сторожевой пес».

“He’s the nationalist **elephant in the room**” [The NYTimes] (Он как националистический **слон в посудной лавке**).

В данной цитате итальянский политик Маттео Сальвини, известный представитель крайне правой партии и противник иммиграции, описывается фразой “elephant in the room”, которую дословно можно перевести как «слон в комнате». Здесь опять же используется большое животное, способное затоптать мелкие цели (мигрантов), как делал Сальвини с помощью радикальных ограничительных мер и отказами в спасении утопающих в океане мигрантов, пытающихся попасть в Италию на спасательных лодках.

“This new border policy runs **roughshod** over legal rights, distracts from meaningful measures to prevent spread of the coronavirus” [The NYTimes] (Новая миграционная политика **топчет** законные права и отвлекает от значимых мер по предотвращению распространения коронавируса).

Прилагательное “roughshod” в исходном значении описывает лошадь, в подковы которой вбиты гвозди, чтобы копыта не скользили по льду. Таким образом, в данной цитате американское правительство выступает в образе лошади (опять же мощного и крупного животного), которое новыми ограничениями в миграционной политике, как острыми подковами, раздирает законные права людей на соискание политического убежища.

Наиболее же ярко негативно-окрашенным нам показался следующий пример описания австралийского сенатора:

“Concetta Fierravanti-Wells, a **hawkish** Liberal party backbench senator [...]” [The Guardian] (Кончетта Фьерраванти-Уэллс, **воинственный** рядовой сенатор либеральной партии).

В статье о миграционных процессах из Китая в Австралию, министр международного развития Австралии, выступающая против предоставления китайским беженцам политического убежища, описывается с помощью образа «ястреба» (“hawkish” – похожий на ястреба); ястреб, будучи хищной птицей, питается небольшими птицами или животными [Cambridge Dictionary]. Таким образом, наиболее ярко создается образ «хищного» политика и незащитного «мигранта-жертвы».

Метафоры, со сферой-источником «Огонь» в большинстве своем связаны с негативными эмоциями и явлениями:

“[...] local activist who supports migrant workers, fears that the spread of Covid-19 within the dormitories has **fanned the flames** of xenophobia and racism” [The Guardian] (Местный активист, помогающий трудящимся-мигрантам, опасается, что распространение коронавируса в общежитии **раздувает пламя** ксенофобии и расизма).

“As the situation escalated, Turkey’s interior minister, Süleyman Soylu, **fuelled the anxiety** in Greece and Bulgaria [...]” [The NYTimes] (По мере обострения ситуации министр внутренних дел Турции Сулейман Сойлу **подливал масло в огонь** тревоги в Греции и Болгарии).

“Mr. Trump has made clear that he intends to energize his supporters by continuing to **stoke a fear** of immigrants” [The NYTimes] (Трамп уточнил, что собирается взбодрить своих сторонников, продолжая **поддерживать огонь страха** перед иммигрантами).

Данные метафорические единицы представляют враждебное отношение и страх в виде стихии огня. Этот образ включает в себе несколько идей: во-первых, люди, движимые страхом, могут стать разрушительной силой и причинить большой ущерб мигрантам, как путем принятия решений по ограничению предоставления им доступа в страну, так и самым прямым путем,

через физическую конфронтацию. Во-вторых, действия и высказывания политиков чаще всего становятся катализатором реакции общественности, и в большинстве случаев именно они формируют мнение местных жителей о приезжих. Также интересно отметить глаголы, которые используются в данных метафорических единицах. С лексемами «огня» в рассмотренных примерах используются глаголы «поддерживать», «подпитывать», «раздувать», но не «начинать»; данный факт указывает на то, что данное отношение к мигрантам не ново, но при этом оно не угасает, а лишь колеблется по интенсивности и направленности на мигрантов из той или иной страны.

Последняя группа метафор в данной категории, метафоры со сферой-источником «растения», является наименее частотной. Самым ярким ее представителями являются словоупотребления с лексемой “roots” («корни»):

“They settled [there], starting out with very little as they tried to establish **roots**” [The NYTimes] (Они поселились там, начиная с очень малого, пытаюсь **укорениться**).

Данная метафора употребляется в отношении мигрантов, которые пытаются стать частью общества в принимающей стране. Эти люди стараются прикрепить себя к одному месту, чтобы не потерять его, как потеряли свой предыдущий дом. Данная метафора в рассматриваемых нами материалах является скорее нейтрально-окрашенной, хотя в других источниках лексемой “roots” создается образ мигранта, как сорняка, пускающего корни в землю местных жителей.

Таким образом, в данной категории метафор формируются следующие модели: «Мигрант – это стихия», отражающая характер движения масс людей при миграции; «Мигрант – это жертва», беззащитное, маленькое существо, на которое нападают «большие» представители власти. Также негативное отношение к мигрантам метафорически отображается как стихия «огня», подчеркивая разрушительность и конфликтогенность данных явлений.

2.2.5. Милитарные и социоморфные метафоры

Сфера-источник «Война» является одной из самых продуктивных в метафорическом моделировании. В целом политическая деятельность рассматривается как «поле боя», на котором «сражаются» «враги» и в результате этой «борьбы» одна из сторон одерживает победу. Однако в отношении миграции данная модель функционирует немного иначе: если на политическом «поле боя» представители власти могут выступать в образе воителей, то мигрантов авторы представляют жертвами, не вступающими в «вооруженный конфликт» – от их лица борются защитники человеческих прав. Наиболее частотной милитарной метафорической единицей стала лексема “battle”:

“The Mediterranean is the theatre where tensions between Europe’s ideas of human rights **do battle** with continental politicians’ anxiety about African migration” [The Guardian] (Средиземноморье — это театр, где разногласия между европейскими представлениями о правах человека **борется** с беспокойством континентальных политиков по поводу африканской миграции).

“The moves are a rare apparent concession in Prime Minister Viktor Orban’s long **battle** with European institutions over migration and other rights issues” [The NYTimes] (Данные действия являются редкой очевидной уступкой в длительной **борьбе** премьер-министра Виктора Орбана с европейскими структурами по вопросам миграции и другим правам человека).

Метафоры борьбы употребляются в отношении конфликтов политических взглядов на миграцию; сами мигранты выступают не активными участниками политических «военных действий», а причиной разногласий. Однако политики часто пытаются создать образ врага в лице мигрантов:

“We have failed to defend ourselves against the migrant **invasion**,” Viktor Orban said” [The NYTimes] («Мы не смогли защитить себя от **вторжения** мигрантов», - заявил Виктор Орбан);

“It’s not that European populations are drawn to immoral policies; it’s rather that the way immigration has been framed by politicians and commentators, presenting migrants as **invaders** [...]” [The Guardian] (Дело не в том, что европейское население тяготеет к аморальной политике; а скорее в том, как политики и аналитики преподносили иммиграцию, выставляя мигрантов **захватчиками**).

Исходное значение лексемы “invade” (“to enter a country by force with large numbers of soldiers in order to take possession of it”) подразумевает, что мигранты вторгаются на территорию страны силой с целью ее захвата. Такой резко-негативный образ направлен на создание враждебного отношения реципиента к мигрантам. Однако авторы статей используют его в виде цитат политиков в контексте его абсурдности и неправильности.

Однако образ мигранта-воителя создается в отношении других сфер жизни:

“[...] a national appeal for a “**land army**” to save the UK’s fruit and vegetables” [The Guardian] (Национальный призыв к «**земледельческой армии**» о спасении фруктов и овощей Великобритании).

“Many black people in America are on the **front lines** of the coronavirus pandemic [...]” [The NYTimes] (Многие чернокожие люди в Америке находятся на **линии фронта** пандемии коронавируса).

Мигрант-воин сражается не против оппозиции или коренного населения; они сражаются за жизни людей, предоставляя им необходимые услуги, выполняя тяжелую работу и рискуя своей жизнью и здоровьем ради блага общества, в которое они прибыли. Таким образом, данная метафорическая модель создает образ «героя» в лице рабочих-мигрантов.

Одной из самых частотных метафорических моделей в данной части дискурса является модель «Мигранты – это ноша». Лексема “burden” употребляется практически в каждой статье, посвященной миграционной политике:

“The British foreign secretary, Dominic Raab, revealed he had asked Australia and other partners to consider “**burden**-sharing if we see a mass exodus from Hong Kong” [The Guardian] (Министр иностранных дел Великобритании Доминик Рааб попросил Австралию и других стран-партнеров рассмотреть возможность «разделения **бремени**, если мы увидим массовую эмиграцию из Гонконга»).

“At the height of the migration crisis, Italy called on the European Union to keep its promise and help shoulder the **burden** of the hundreds of thousands of asylum seekers” [The NYTimes] (В разгар миграционного кризиса Италия призвала Европейский Союз сдержать свое обещание и помочь нести **бремя** в лице сотен тысяч беженцев).

“The president justified the move by saying that legal immigrants are three times as likely as American citizens to lack health insurance, making them a **burden** on hospitals and taxpayers in the United States” [The NYTimes] (Президент оправдал эти меры тем, что легальные иммигранты в три раза чаще, чем американские граждане, не имеют медицинской страховки, что делает их **бременем** для больниц и налогоплательщиков в Соединенных Штатах).

В исходном значении лексема “burden” означает “a heavy load that is difficult to carry” [Collins Dictionary]. С ее помощью подчеркивается большое давление, оказываемое на правительство стран ЕС и США проблемами миграции; она носит негативную эмоциональную окраску и выставляет принимающую сторону в образе мучеников и героев, а мигрантов в виде тяжелого груза, который правительству приходится «нести на своих плечах». Таким образом, создается образ мигрантов-паразитов, отнимающих у государства блага, создающих проблемы, но не отдающих ничего взамен. Однако стоит заметить, что данная метафора фигурирует в статьях исключительно в цитатах политиков; сами авторы не поддерживают такое представление о мигрантах и часто критикуют данное словоупотребление:

“The debate has been oriented in entirely the wrong direction, with all the emphasis on a **burden** that should more rightly be understood as a **blessing**” [The

Guardian] (Дискуссия шла в совершенно неверном направлении: акцент делался на **бремени**, которое скорее следует понимать как **благо (подарок судьбы)**).

В данной цитате опять же можно заметить процесс перехода от представления мигрантов как обременяющего фактора, которое еще не так давно поддерживалось и самими авторами статей, к новому представлению их как жизненно необходимой рабочей силы.

Сложная ситуация в мире помогла людям осознать, насколько ключевую роль играет труд мигрантов в их жизнях. В результате этого в средствах массовой информации, вопреки высказываниям политиков, авторы создают образы «героев» в лице рабочих-мигрантов с помощью метафорических моделей «Мигрант – это воин» и «Мигрант – это благо».

2.2.6. Морбиальные метафоры

Категория морбиальных метафор, а именно метафор, связанных с понятиями «боль», «заболевание» и «смерть», является наименее частотной из всех упомянутых выше. Возможно данный факт можно объяснить тем, что эта группа метафор является наиболее конфликтной, то есть вызывает наибольший эмоциональный отклик в сознании человека, и по этой причине авторы статей употребляют их достаточно редко, чтобы избежать излишней противоречивости и критики в свою сторону за слишком резкие высказывания. Метафоры болезни чаще всего фигурируют в статьях в качестве цитат:

“Mr. Salvini released a statement saying that while it was right to welcome "the few who really flee war, opening the Italian ports to everyone in the world is **madness**”” [The NYTimes] (Г-н Сальвини заявил, что, хотя было бы правильно приветствовать «тех немногих, кто действительно бежит от войны, открытие итальянских портов для всех в мире - это **безумие**»).

“[...] people are worried at losing their culture, insinuating that Brits feel that migrants are a ‘**virus**’ because of it” [The Guardian] (Люди обеспокоены потерей

своей культуры, намекая, что британцы считают мигрантов «**вирусом**» из-за этого).

Сравнения явлений миграции с болезнями в основном принадлежат правым политикам и радикальным националистам, которые стараются представлять неудобных им мигрантов в худшем свете: идея о предоставлении политического убежища для всех соискателей представляется сумасшествием, а в ситуации с пандемией эмигранты из Азии приравниваются к самому вирусу. Авторы же используют метафоры болезни, защищая мигрантов, и создают негативные образы людей и явлений, направленных против них:

“Racism [directed at people of east Asian origin] is the **disease**, not coronavirus” [The Guardian] (Расизм в отношении людей азиатского происхождения – это **болезнь**, а не коронавирус).

Данная метафора переводит фокус на настоящую проблему, которая заключается в предвзятом отношении властей и местных жителей к мигрантам из азиатских стран, в которых зародился вирус. Расизм уподобляется заболеванию, подчеркивая возможность заражения им других людей от уже «больных» путем распространения идеи и навязывания взглядов. Также метафора указывает на необходимость «лечения», то есть принятия мер по избавлению сознания населения от стереотипов, в том числе с помощью «снятия ярлыков» и информирования в средствах массовой информации.

В категорию морбиальных метафор также входят метафоры со сферой-источником «смерть»:

“The way the workers were stacked in [on the back of lorries], it was like the way goats are stacked in when they are taken to a **slaughter house**” [The Guardian] (То, как рабочие были загнаны в кузова грузовиков, напоминало, как сгоняют коз, когда отвозят их на **скотобойню**).

Данную метафору можно было также отнести в группу зооморфных, так как мигранты в ней сравниваются с животными, однако главной ее задачей является подчеркнуть не только тот факт, что мигранты являются беззащитными жертвами обстоятельств, но и создать наиболее яркий,

«кровавый» образ исхода многих из путешествий, совершенных в поиске работы и свободы. Место назначения рабочих-мигрантов автор характеризует как “slaughter house” («скотобойня») – предприятие, на котором животных убивают и получают с них мясо и шкуры для последующей продажи. Данное значение этой метафорической единицы говорит о том, что чаще всего люди, ищущие работу, чтобы прокормить свою семью и выжить самим, попадают в ужасные условия, непригодные для жизни, и работают в них до самой смерти; также многие даже не добираются до места назначения и погибают еще в дороге.

Однако такие резко-негативные и даже ужасающие метафоры не так частотны; чаще всего авторы используют их антонимичные версии:

“Thousands of migrants have already **paid with their lives** while attempting to get around those borders: by crawling through pipes, suffocating in the back of lorries, or drowning in the Mediterranean” [The Guardian] (Тысячи мигрантов уже **поплатились своими жизнями**, пытаюсь обойти эти границы: проползая по трубам, задыхаясь в кузовах грузовиков или утопая в Средиземном море);

“The care workers, supermarket staff, porters and cleaners who have **put their lives on the line** during this pandemic are only a few of those not given a temporary pass” [The Guardian] (Работники по уходу, персонал супермаркетов, носильщики и уборщики, которые **рискуют своей жизнью** во время этой пандемии - это лишь немногие из тех, кому не дали временный пропуск).

В данных метафорах понятие «смерти» не так явно, однако оно четко просматривается. В первом примере мигранты погибают в поиске свободы от войны и кризиса, в то время как во втором они рискуют заразиться и умереть во время работы, которую они выполняют ради общества. Жизнь является самым дорогим, что есть у любого живого существа; именно поэтому метафоры «расплаты» этой жизнью оказывают такое большое эмоциональное воздействие.

Таким образом, в категории морбиальных метафор авторами создаются образы мигрантов-целей, подвергающихся нападкам властей за

распространение вируса, мигрантов-жертв, погибающих в попытках стать свободными, и мигрантов-героев, жертвующих свои жизни ради других.

2.3. Определение экспрессивности и конфликтности метафор

В процессе классификации метафор нами были выделены несколько метафорических моделей со сферой-мишенью «мигрант». Доминантной моделью стала «Мигрант – это жертва» с 20 словоупотреблениями из различных категорий. На втором месте по частотности с 12 словоупотреблениями выступает модель «Мигрант – это главная деталь», включающая в себя в основном метафоры механизмов и строений и соединяющая образы мигранта-машины, мигранта-основы и мигранта-рабочего. Также близка по частотности к предыдущей модель «Мигрант – это проблема» с 10 единицами, состоящая в основном из метафор, употребленных в цитатах политиков, и включающая образы мигрантов-грязи и мигрантов-паразитов. Четвертой по частотности является модель «Мигранты – это стихия» с 8 метафорическими единицами. Наименее же частотными из всех выделенных стали метафорические модели «Мигрант – это гость» и «Мигрант – это воин» с 5 единицами, и «Мигрант – это путешественник» с 2 единицами.

В ходе анализа метафорических единиц в статьях англоязычных газет нами были выявлены некоторые закономерности их употребления. Понятие «миграции» очень обширно; оно включает в себя политические, экономические, общественные явления, и мигранты являются лишь одной группой действующих лиц из большого множества. Поэтому невозможно рассматривать образ мигранта, не сравнивая его с образами других участников деятельности, связанной с миграцией. Наиболее явным в рассмотренных нами материалах выступало противопоставление «мигрант – государство». С помощью негативно окрашенных метафор как в текстах самих статей, так и в цитировании, авторы создавали непритязательный образ политиков, действующих «против» мигрантов. В свою очередь метафоры, которые

используются авторами для описания мигрантов, являются по большей части позитивными, либо нейтральными.

Для того, чтобы отчетливее увидеть сопоставление образов данных групп людей, мы рассчитаем показатель индекса экспрессивности и индекса конфликтности для метафор, использованных в отношении политических деятелей и мигрантов по отдельности, причем в группу метафор «политиков» будут входить единицы, описывающие действия лиц, государства в общем и их политические взгляды; группа метафор «мигрантов» будет включать метафоры, использованные для описания действий индивидуумов данной группы и отношения к ним в обществе.

Как нами уже было упомянуто ранее, экспрессивность метафоры зависит от уровня явности исходного семантического значения составляющих ее лексических единиц. Метафорический перенос в «слабых» метафорах наименее очевиден, их метафорические значения часто занесены в словари. Исходное значение в «конвенциональных» метафорах выражено ярче, хотя они также могут быть занесены в словари как прямые значения лексем. «Сильные» же метафоры являются авторскими нововведениями и отличаются оригинальностью и низкой частотой употребления.

В результате выборки метафорических единиц, в группе метафор «мигрантов» нами было выделено:

16 «слабых» метафор: *burden, cohort of Asian migrants, put their lives on the line, played a crucial role, suffering in silence, unacceptable drain, scapegoats, ect.;*

18 «конвенциональных» метафор: *flow of migrants streaming out, our fight for Hong Kong, confront barriers, sitting ducks, keep the economic and social wheels turning, targets, bottom of the pyramid etc.;*

26 «сильных» метафор: *clean and sparkling facade of the city, outsider looking in, bamboo ceiling, not treated as human but numbers, turns people into commodities, face of India's stranded, astonishing odysseys, land army, etc.*

При подстановке данных числовых значений в формулу E вместо переменных w, a, s соответственно получаем следующий индекс:

$$E_m = (1w + 2a + 3s)/nme = (1*16 + 2*18 + 3*26)/60 = 2,16.$$

Теперь выявим уровень экспрессивности метафор, используемых для описания образа «политика». В ходе подсчета мы выявили:

24 «слабых» метафоры: runs roughshod, worst-case scenario, erosion of the rule of law, turn the screws on migrants, in the greater scheme of things, fuelled the anxiety, keep the country afloat, blanket assumptions, inflaming public fears, create huge bottlenecks, etc.;

19 «обычных» метафор: opening Australia's arms, receiving constant attacks, recipe for bad government, giving workers a level playing field, to turn a blind eye, swept under the carpet, bureaucratic bullying, the EU pulling the strings, when the mask has slipped, etc.;

15 «сильных» метафор: order is like a bull's-eye, orchestrating an attempt, politicians' handy catchphrase, vilify immigrants, the Mediterranean is the theatre, executive arm, etc.

Подставим полученные числовые значения в формулу:

$$E_p = (1w + 2a + 3s)/nme = (1*24 + 2*19 + 3*15)/58 = 1,84.$$

Таким образом, по результатам подсчетов экспрессивность метафор, использованных для создания образа «мигранта» значительно выше, чем экспрессивность метафор «политиков». Из количественных показателей, мы можем заметить, что в метафорах образа «мигранта» значительно больше авторских и оригинальных метафор, в то время как «политики» описываются в основном с помощью узуальных метафор. Данный факт можно объяснить тем, что создание образов политиков происходит на протяжении уже множества столетий и освещается в большом корпусе медиатекстов средств массовой информации; часто их действия имеют одинаковый характер и последствия, которые легко понимаются реципиентом, поэтому авторы используют уже устоявшиеся метафорические единицы. Можно поспорить, что миграция также является процессом с древними историческими корнями,

однако современное общество находится на стадии пересмотра мнения о миграции и мигрантах, продвигается идея принятия и открытости по отношению к людям, ищущим убежища или лучших условий жизни и труда. Такое переосмысление требует новых и свежих когнитивных образов в сознании читателей, которые создаются посредством «сильных» оригинальных метафор.

Теперь обратимся к индексу конфликтности метафоры. Используя данные из пункта 2.2. нашей работы, рассчитаем количественные показатели употребления метафор каждой семантической категории для создания образа «мигрантов» и «политиков».

В ходе подсчета метафор образа «мигрантов» нами было выявлено 11 метафор повседневной жизни, 11 метафор тела, механизма и строения, 8 метафор культуры, 12 природоморфных метафор, 12 милитарных и социоморфных метафор и 6 морбиальных метафор. Подставим полученные числа в формулу вместо переменных R, T, Sp, N, W и D, соответственно:

$$C_m = (1R + 2T + 3Sp + 4N + 5W + 6D)/n, = \\ = (1*11 + 2*11 + 3*8 + 4*12 + 5*12 + 6*6)/60 = 3,35.$$

Теперь рассчитаем значение данного индекса для метафор образа «политиков». В ходе подсчета метафор образа «мигрантов» нами было выявлено 12 метафор повседневной жизни, 7 метафор тела, механизма и строения, 18 метафор культуры, 9 природоморфных метафор, 7 милитарных и социоморфных метафор и 5 морбиальных метафор. Подставим полученные числа в формулу вместо переменных R, T, Sp, N, W и D, соответственно:

$$C_p = (1R + 2T + 3Sp + 4N + 5W + 6D)/n, = \\ = (1*12 + 2*7 + 3*18 + 4*9 + 5*7 + 6*5)/58 = 3,12.$$

Таким образом, индекс конфликтности метафор, использованных для создания образа «мигранта» выше, чем метафоры «политиков». Данный факт указывает на актуальность рассмотрения образа мигранта: авторы статей используют большее количество конфликтных метафор, которые формируют кризисное мышление реципиента, настроенное на создание новых

представлений об уже известных явлениях и на изменение уже сложившихся взглядов.

Однако также интересно рассмотреть частотность употребления метафорических единиц в каждой из категорий. При создании образа «политика» наиболее частотными являются метафоры культуры, которые включают в себя сферу-источник «театр» и «спорт». Метафорическая модель «Политика – это театр» является одной из самых распространенных, поэтому полученный результат не вызывает удивления. В большинстве своем метафоры этой группы являются «слабыми», классическими в описании политики и действий органов власти. Второй же по частотности группой метафор выступают популярные метафоры, что указывает на желание авторов сделать не всегда понятные и «материальные» явления политики более «приземленными», объясняя их через образы предметов повседневной жизни. Метафорический образ «мигранта» складывается по большей части из природоморфных и социоморфных метафор. Миграционные движения наиболее часто описываются с использованием образов «воды», так как именно этот природный элемент визуально отображает перемещение больших масс, учитывая их характер и непредсказуемость. В группе социоморфных метафор наиболее частотны единицы, представляющие мигрантов в образе жертв и ноши – они отражают противоположные взгляды на данную категорию людей политиков и авторов. На втором месте по частотности стоят метафоры повседневной жизни и технологии; в семантическом поле технологии для создания образа «мигранта» в основном используются метафоры механизма и строения. Они отражают важность позиции рабочей силы из других стран, которые являются неотъемлемой деталью в устройстве государства и его экономики.

Выводы по второй главе

Метод определения силы метафоры Х. де Ландтсхеер показал, что метафорика медиадискурса может иметь количественные показатели, может

быть представлена в наглядном виде и быть эмпирически доказуемой. Выведенные ученой формулы расчета индекса интенсивности и содержания метафоры и скорректированные нами формулы индекса экспрессивности и конфликтности позволяют с большей долей объективности судить о прагматическом потенциале рассматриваемого текста. Хотя результаты подсчетов не претендуют на абсолютную точность, так как анализ и классификация метафор остается за исследователем, они стремятся к более объективным числовым характеристикам при увеличении количества единиц в выборке. Эти данные несут в себе практическую ценность при их сравнении с аналогичными результатами исследования других сегментов дискурса.

Проанализировав отобранные метафорические единицы, мы объединили их в 6 групп по категориям значений, выделив в каждой соответствующие сферы-источники метафорической экспансии: метафоры повседневной жизни, антропоморфные и метафоры механизма и строений, метафоры культуры, метафоры природы, милитарные и социоморфные метафоры и морбиальные метафоры. Наиболее частотными единицами, используемыми для создания образа «мигранта», стали природоморфные и милитарные, среди которых главенствующую позицию заняли единицы со сферами-источниками «Вода» (8 МЕ) и «Война» (7 МЕ).

В процессе контекстуального анализа метафорические единицы понятийной сферы «мигрант» нами были отнесены к различным метафорическим моделям. Всего было выделено 7 главенствующих моделей, наиболее полно отражающих образ мигрантов в англоязычном медиадискурсе.

М-модель «Мигрант – это жертва» включает в себя наибольшее количество единиц, что отражает интенцию авторов создать образ мигранта, как «уязвимого» человека, подвергающегося нападкам со стороны правительства и страдающего от различных невзгод, таких как предвзятое отношение местных жителей, низкий уровень жизни, тяжелый и опасный труд и многих других. Также большое значение уделяется М-модели «Мигрант – это главная деталь», которая подчеркивает большую значимость труда

мигрантов в функционировании общества принимающих стран. Третья по частотности М-модель «Мигрант – это проблема» создается исключительно за счет единиц, употребленных противниками миграции, и отражает отношение многих представителей властей и оппозиции к данной группе людей.

Для более наглядного представления интересующего нас образа мы также рассчитали индексы экспрессивности и конфликтности метафор понятийной сферы «мигрант» и сравнили количественные показатели в отдельности для образов «мигрантов» и «политиков», так как данные группы наиболее часто противопоставляются друг другу в СМИ. Сравнение индексов показало, что метафорический образ «мигранта» чаще всего создается метафорами, обладающими большей эмоциональной нагрузкой, что подчеркивает актуальность отражения его в новостных источниках, а использование авторами наиболее экспрессивных метафор указывает на пересмотр представлений о данной группе людей и необходимости создания нового образа в сознании реципиентов.

Заключение

В данной выпускной квалификационной работе была проанализирована сущность базовых понятий когнитивной лингвистики, применена методика исследования когнитивной метафоры, актуализированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, дополненная А. П. Чудиновым и большим количеством других специалистов в вопросах когнитивной лингвистики, а также проанализирован англоязычный медиадискурс, посвященный проблематике миграции, на основе американской и британской газет The New York Times и The Guardian. Полученные результаты позволяют говорить о том, что наиболее часто встречаемыми когнитивными метафорами в данной части медиадискурса являются метафоры природоморфной, военной, антропоморфной моделей и метафоры механизмов, строений и повседневной жизни. Стоит отметить свободное употребление журналистами изданий негативно-окрашенных метафор при описании правительства и его действий, умеренное и осторожное использование данных метафор в сторону мигрантов, а также открытую критику их использования другими публичными лицами в речах на тему миграции.

Основными векторами воздействия рассмотренных метафорических словоупотреблений на сознание и взгляды реципиента можно назвать создание «образа врага» в лице радикальных политиков и активистов популистских антимиграционных движений и тенденцию к включению мигрантов в «круг своих», призывы к поддержке и защите беженцев и искоренению расизма и других видов ущемления прав по отношению к ним. В связи с трудной ситуацией в мире появилось новое направление в осознании позиции мигрантов в обществе, как ключевой и жизненно-необходимой рабочей силы. Авторы прибегают к тактике создания образа «героя» в лице рабочих-мигрантов и подчеркивают необходимость осознания как реципиентами, так и представителями власти, несоответствия между их «героическим» вкладом в общество и условиями, предоставляемыми им.

Перспективой для продолжения исследования по данной теме может служить увеличение единиц выборки для расчета наиболее объективных количественных показателей; расширение проблемной области до понятия «миграция» в целом и рассмотрение метафорического моделирования образов других участников деятельности, связанных с данным понятием; рассмотрение метафорического моделирования в понятийной сфере «мигрант» в политическом медиадискурсе других стран, в том числе сравнение тенденций составления образа мигранта в рассмотренных англоязычных и в русскоязычных источниках.

Summary

The following paper is devoted to the matters of creating metaphorical models of the concept “migrant” in American and British mass media. The relevance of the research is determined by the increase of interest towards metaphorical models theory and its influence on the mind of the recipients; moreover, the topic of migration is constantly in the spotlight and the image of a “migrant” is currently undergoing changes. The research objective is to identify the peculiarities of functions performed by metaphorical models related to the notion “migrant” in English-language discourse. The object is metaphors related to the notion “migrant” and used in English-language discourse and the subject is the patterns of their use. The theoretical background of the research includes fundamental works by prominent Russian and foreign scholars A. H. Baranov, A. P. Chudinov, Ch. Fillmore, M. Johnson, G. Lakoff, Ch. de Landtsheer and others. The material of the research is articles from the two most well-known English-language newspapers the New York Times and The Guardian.

As a result of our work, we came to the following conclusions:

- metaphorical models are used in mass media to create a simple, tangible and striking image of some notion in the mind of the recipient, which would form their opinion on said notion in the desirable way;
- in respect to the researched part of discourse, the most frequently used metaphors are metaphors of nature, war, human body, mechanisms and everyday life;
- the most prominent metaphorical models used to create an image of a “migrant” are “Migrant is a victim”, “Migrant is the main part”, “Migrant is a problem” and “Migrant is a water element”;
- through said models, authors create a tendency of accepting migrants as part of the society, protecting and helping them, as well as increasing appreciation for the work they do.

Список использованной литературы

1. Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе [Текст] / Т. Г. Антонова // журн. Вестник Томского государственного университета. – Томск : Издательство ТГУ, 2015. — № 401. – С. 5-12.
2. Аристотель Поэтика [Электронный ресурс] / Пер. М. Л. Гаспарова // Библиотека Максима Мошкова. URL : http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/aristotel1_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 5.12.2019).
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры [Текст] / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 17-19.
5. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафористики [Текст] / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – М.: ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
6. Баранов, А. Н. Политический дискурс: Методы анализа тематической структуры и метафористики [Текст] / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. – М.: ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
7. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев // учеб. пособ. Издю 4-е. – М. : Директ-Медиа, 2016. – С. 7-11.
8. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
9. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – Политическая лингвистика / Людмила Евгеньевна Веснина. – Екатеринбург, 2010. – С. 84-89.

10. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев – М. : Гнозис, 2004.
11. Гаврилова, М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации [Текст] / М. В. Гаврилова // учеб. пособ. – Санкт-Петербург : Изд-во Невского ин-то языка и культуры, 2008. – С. 45-51.
12. Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата [Текст] / М. Р. Желтухина // учеб. пособ. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – С. 15-33.
13. Зарипов, Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе : на материале французских политических метафор образа России [Текст] : дис. ... канд-та филол. наук : 10.02.19 – Романские языки / Руслан Ирикович Зарипов. – М., 2015. – 262 с.
14. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира — Уорфа [Текст] / В. А. Звегинцев // сбор. трудов Новое в лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. — № 1. – С. 244-248.
15. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста [Текст] / М.Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастилистика. – М., 2012. - С. 320-334.
16. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // сб. науч. тр. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
17. Кассирер Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33–44.
18. Кривенко, Г. А. Антропоцентризм в парадигме современного знания [Электронный ресурс] // Вестник Инновационного Евразийского университета. URL : <https://articlekz.com/article/13284> (дата обращения: 3.12.2019).
19. Крысин, Л. П. Парадигматическое отношение в лексической системе современного русского языка [Текст] / Л. П. Крысин // Русское слово,

свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : 2004. – С. 238-243.

20. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.

21. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. А. Н. Баранова – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

22. Лангакер, Р. Модель, основанная на языковом употреблении [Текст] / Р. Лангакер – М. : Вестник Московского университета, 1997. – № 4 – С. 37-42.

23. Лингвистической относительности гипотеза [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. URL : <http://www.krugosvet.ru/enc/lingvistika/lingvisticheskoy-otnositelnosti-gipoteza> (дата обращения: 12.12.2018).

24. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М., 2004. – 37 с.

25. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский, пер. с англ. – М. : Энергия, 1979. – С.78-94.

26. Мишанкина, Н. А. Метафорическая модель как маркер интертекстуальности в научном тексте [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 1. – С. 18–28.

27. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ:Восток-Запад, 2010. – С.21-85.

28. Резанова, З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования [Текст] / З. И. Резанова // Филология. – Томск, 2007. – № 1. – С. 18-29.

29. Резанова, З. И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте [Текст] / З. И. Резанова // Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – Томск, 2002. – № 4. – С. 74-83.
30. Резанова, З. И. Пространственные метафоры в лингвистическом тексте [Текст] / З. И. Резанова // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. – Томск, 2007. – С. 326-356.
31. Рожков, В. В. Определение метафоры и аспекты ее изучения [Электронный ресурс] // Элект. библиот. Sci.House. URL : <https://sci.house/russkiy-yazyik-scibook/opredelenie-metaforyi-aspektyi-36728.html> (дата обращения: 5.12.2018).
32. Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
33. Самарина, И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: прагмалингвистический аспект [Текст] / И. В. Самарина // автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 157-189.
34. Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй [Текст] / М. Ю. Сейранян // монография. – М. : МПГУ, 2016. – С. 25-28.
35. Скобелева, Л. Аналитический реферат статьи Дж. Лакоффа «Современная теория концептуальной метафоры» [Текст] / Л. Скобелева // Metaphor and Thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – С. 202-251.
36. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы [Текст] / Т. Г. Скребцова. – М. : Издат. Дом ЯСК, – 2018. – 392 с.
37. Слободенюк, Е. А. Создание образа британского и немецкого политика в современном медиадискурсе Великобритании в аспекте оппозиции «свой – чужой» [Текст] : дис. ... канд-та филол. наук : 10.02.04 – Германские

языки / Елена Александровна Слободенюк. – Нижний Новгород, 2016. – С. 26-54.

38. Современный медиатекст [Текст] / под ред. Н. А. Кузьмина // учебн. пособ. – Омск, 2014. – 414 с.

39. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» [Текст] / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. – М., 2005. – С. 7-16.

40. Степанова, Н. В. Актуализация концептуальной метафоры Crisis is illness в экономических медиатекстах [Текст] / Н. В. Степанова // журн. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, – 2017. – № 6. – С.156-159.

41. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1998. – С. 26-52.

42. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1998. – С. 150-216.

43. Фаткуллина, Ф. Г. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве [Текст] / Ф. Г. Фаткуллина, Р. Р. Хабиров // журн. Современные проблемы науки и образования. – Уфа : ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», – 2015. – № 1.

44. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – вып. 23. – С. 53-93.

45. Харченко, В. К. Функции метафоры [Текст] / В. К. Харченко // учеб. пособ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, – 1992. – 88 с.

46. Чичерина, Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности [Текст] / Н. В. Чичерина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 159-165.

47. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 68-122, 183-188.
48. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии [Текст] / А. П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – т. 6. – 176 с.
49. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале [Текст] / А. П. Чудинов // междун. науч. конфер. Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002.
50. Чудинов, А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – т. 6. – С. 154.
51. Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации [Текст] / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 59-67.
52. Якимова, О. А. Механизм формирования образа иностранных мигрантов в СМИ [Текст] / О. А. Якимова // науч. Журн. Дискуссия. – ООО «Институт современных технологий управления», 2013. – С.142-154.
53. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева // — М. : Гнозис, 1994. – 360 с.
54. de Landtsheer, C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies [Текст] / C. de Landtsheer // Conference of ECPR. – Antwerpen, 2000. – 17 с.

Список использованных словарей

1. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL : <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/> (дата обращения: 28.05.2019).
2. Cambridge English Dictionary: Meanings and Definitions [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 4.06.2019).
3. Collins Online English Dictionary [Электронный ресурс] // Collins Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 4.06.2019).
4. Dictionary.com [Электронный ресурс] // URL : <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 4.06.2019).
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс] // Oxford Learner's Dictionaries. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 4.06.2019).
6. Wikipedia [Электронный ресурс] // URL : <http://en.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.06.2019).

Список использованных источников

1. Albright M. The Best Response to Disaster Is Resilience [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/12/opinion/madeleine-albright-coronavirus.html> (дата обращения 4.05.2020).
2. Boffey D. Clashes as thousands gather at Turkish border to enter Greece [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/01/thousands-gather-at-turkish-border-to-cross-into-greece> (дата обращения 15.05.2020).

3. Casey N. Doctor, Refugee. Violinist, Refugee. Model, Refugee. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/28/world/americas/doctor-refugee-violinist-refugee-model-refugee.html> (дата обращения 4.05.2020).

4. Davidson H. US may take in Hongkongers ahead of China security laws, Pompeo suggests [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/02/us-may-take-in-hongkongers-ahead-of-china-security-laws-pompeo-suggests> (дата обращения 5.06.2020).

5. Dhillon A. 'My angel': man who became face of India's stranded helped home by stranger [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/19/my-angel-man-who-became-face-of-indias-stranded-helped-home-by-stranger-coronavirus> (дата обращения 21.05.2020).

6. Dickerson C. Before Covid-19, Trump Aide Sought to Use Disease to Close Borders [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/03/us/coronavirus-immigration-stephen-miller-public-health.html> (дата обращения 4.05.2020).

7. Edwards M. 'A bloody method of control': the struggle to take down Europe's razor wire walls [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/13/a-bloody-method-of-control-the-struggle-to-take-down-europes-razor-wire-walls> (дата обращения 15.05.2020).

8. Goldman K. No Masks, Disinfectant or Soap. This Is Detention Amid a Pandemic. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/02/opinion/coronavirus-ice-immigration-detention.html> (дата обращения 4.05.2020).

9. Goodfellow M. The NHS surcharge shows what the Tories really think of key workers [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/19/nhs-surcharge-tories-key-workers-government-healthcare> (дата обращения 26.05.2020).

10. Greenslade R. Migrants are off the agenda for the UK press, but the damage is done [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/media/2020/jan/26/migrants-are-off-the-agenda-for-the-uk-press-but-the-damage-is-done> (дата обращения 4.05.2020).

11. Fernandez M. For Migrants at the Border, a Day of Hopes Uplifted and Dashed [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/29/us/migrants-remain-in-mexico-mpp.html> (дата обращения 4.05.2020).

12. Guttentag L. Trump Is Using the Pandemic to Flout Immigration Laws [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/11/opinion/trump-coronavirus-immigration.html> (дата обращения 1.06.2020).

13. Ho C. Asian Australian students' success is often maligned – but it's our education system that's unequal [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jun/02/asian-australian-students-success-is-often-maligned-but-its-our-education-system-thats-unequal> (дата обращения 5.06.2020).

14. Howden D. Revealed: the great European refugee scandal [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/12/revealed-the-great-european-refugee-scandal> (дата обращения 4.05.2020).

15. Hurst D., Davidson H. Australia will 'continue to welcome' Hong Kong residents as calls mount to match UK's offer of safe haven [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2020/jun/04/australia-will-continue-to-welcome-hong-kong-residents-as-calls-mount-to-match-uks-offer-of-safe-haven> (дата обращения 5.06.2020).

16. Kanno-Youngs Z. As Coronavirus Threatens, Teenage Migrants 'Age Out' Into ICE Jails [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/23/us/politics/coronavirus-teenage-migrants-ice.html> (дата обращения 15.05.2020).

17. Kanno-Youngs Z. As Trump Barricades the Border, Legal Immigration Is Starting to Plunge [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/24/us/politics/trump-border-legal-immigration.html> (дата обращения 4.05.2020).

18. Kanno-Youngs Z. Executive Order Halting New Green Cards Includes Exceptions [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/22/us/politics/coronavirus-immigration-green-cards.html> (дата обращения 4.05.2020).

19. Kingsley P. Latest Tactic to Push Migrants From Europe? A Private, Clandestine Fleet [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/30/world/europe/migrants-malta.html> (дата обращения 4.05.2020).

20. Malik K. Detention, torture and killing ... how the EU outsourced migration policy [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/08/detention-torture-and-killing-how-the-eu-outsourced-migration-policy> (дата обращения 4.05.2020).

21. Marsh S. 'We feel insulted': migrant health workers on PM's refusal to scrap NHS surcharge [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/may/20/we-feel-insulted-migrant-health-workers-react-boris-johnson-refusal-to-scrap-nhs-surcharge> (дата обращения 26.05.2020).

22. Novak B. Hungary Moves to Close Border Camps After E.U. Court Ruling [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/22/world/europe/hungary-migrant-camps.html> (дата обращения 29.05.2020).

23. O'Carroll L. 'Just not true' we're too lazy for farm work, say frustrated UK applicants [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/money/2020/apr/20/just-not-true-were-too-lazy-for-farm-work-say-frustrated-uk-applicants> (дата обращения 4.05.2020).

24. Parveen N. Coronavirus crisis 'increases suffering of most vulnerable refugees' [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/18/coronavirus-crisis-increases-suffering-of-most-vulnerable-refugees> (дата обращения 21.05.2020).

25. Proctor K. Tory MPs call for end to 'immoral' surcharge for migrant health workers [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2020/may/21/tory-mp-backs-labour-call-scrap-nhs-fees-migrant-health-staff> (дата обращения 26.05.2020).

26. Pronczuk M. 'I Could Be One of Them': Belgians Help Migrants Amid Coronavirus [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/28/world/europe/belgium-migrants-coronavirus.html> (дата обращения 4.05.2020).

27. Ratcliffe R. 'We're in a prison': Singapore's migrant workers suffer as Covid-19 surges back [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/23/singapore-million-migrant-workers-suffer-as-covid-19-surges-back> (дата обращения 4.05.2020).

28. Rogers K. Trump Plans to Suspend Immigration to U.S. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/20/us/politics/trump-immigration.html> (дата обращения 4.05.2020).

29. Semple K. As World Comes to Halt Amid Pandemic, So Do Migrants [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/04/world/americas/coronavirus-migrants.html> (дата обращения 15.05.2020).

30. Semple K. Mexico Breaks Up a Migrant Caravan, Pleasing White House [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/24/world/americas/migrant-caravan-mexico.html> (дата обращения 15.05.2020).

31. Singh S. If Boris Johnson is baffled by Britain's cruel migration laws he should change them [Electronic resource] // The Guardian. URL:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/29/boris-johnson-baffled-britain-migration-laws> (дата обращения 1.06.2020).

32. Shear M. D. Trump Administration Plans to Extend Virus Border Restrictions Indefinitely. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/13/us/politics/trump-coronavirus-border-restrictions.html> (дата обращения 21.05.2020).

33. Smith H. Erdoğan says border will stay open as Greece tries to repel influx [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/29/erdogan-says-border-will-stay-open-as-greece-tries-to-repel-influx> (дата обращения 4.05.2020).

34. Smith H. Greece plans to build sea barrier off Lesbos to deter migrants [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/30/greece-plans-to-build-sea-barrier-off-lesbos-to-deter-migrants> (дата обращения 4.05.2020).

35. Stevis-Gridneff M. Erdogan Says, 'We Opened the Doors,' and Clashes Erupt as Migrants Head for Europe [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/29/world/europe/turkey-migrants-eu.html> (дата обращения 4.05.2020).

36. Stevis-Gridneff M. E.U. Court Rules 3 Countries Violated Deal on Refugee Quotas [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/02/world/europe/european-court-refugees-hungary-poland-czech-republic.html> (дата обращения 4.05.2020).

37. Tavernise S. They Fled Asia as Refugees. Now They Are Caught in the Middle of Minneapolis. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/01/us/hmong-americans-minneapolis-george-floyd.html> (дата обращения 1.06.2020).

38. The Editorial Board, Coronavirus Doesn't Care Where You Come From. Trump Still Does. [Electronic resource] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/31/opinion/immigration-coronavirus-border.html> (дата обращения 4.05.2020).

39. Trilling D. Coronavirus offers an excuse to close borders. That would be a mistake [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/26/coronavirus-close-borders-pandemic> (дата обращения 15.05.2020).

40. Trilling D. Migrants aren't spreading coronavirus – but nationalists are blaming them anyway [Electronic resource] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/28/coronavirus-outbreak-migrants-blamed-italy-matteo-salvini-marine-le-pen> (дата обращения 4.05.2020).